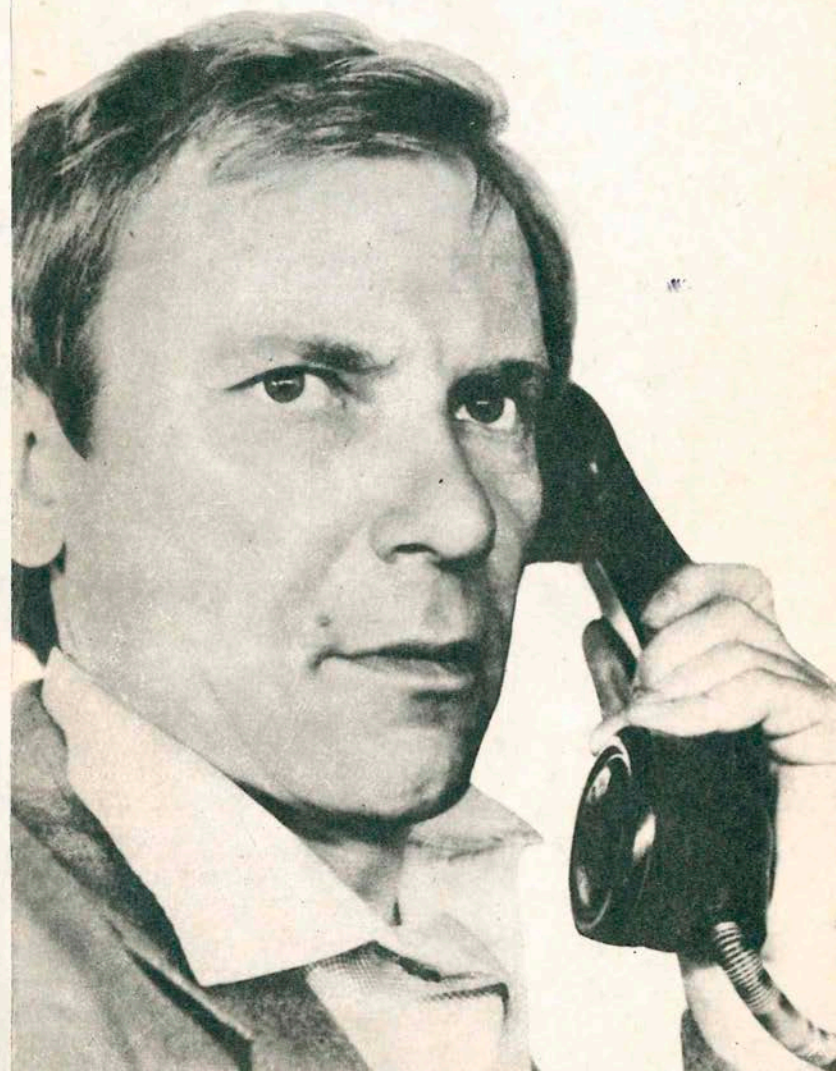

**М. ШАТРОВ
В. ЛОГИНОВ
В. МЕЛЬНИКОВ**

**ДВЕ СТРОЧКИ
МЕЛКИМ ШРИФТОМ**

Шатров Михаил Филиппович родился в 1932 году. В 1956 году окончил Московский горный институт. Автор многих пьес и сценариев; наиболее известны «Шестое июля», «Большевики», «Лошадь Пржевальского», «Погода на завтра», «Доверие», «Синие кони на красной траве», «Мои надежды», «Тегеран-43».

Логинов Владлен Терентьевич родился в 1929 году. В 1950 году окончил Московский педагогический институт им. В. П. Потемкина. Доктор исторических наук. Консультировал фильмы «Ленин в Польше», «Софья Перовская», «Шестое июля» и др. Соавтор М. Шатрова по сценарию «Доверие» и роману «Февраль».

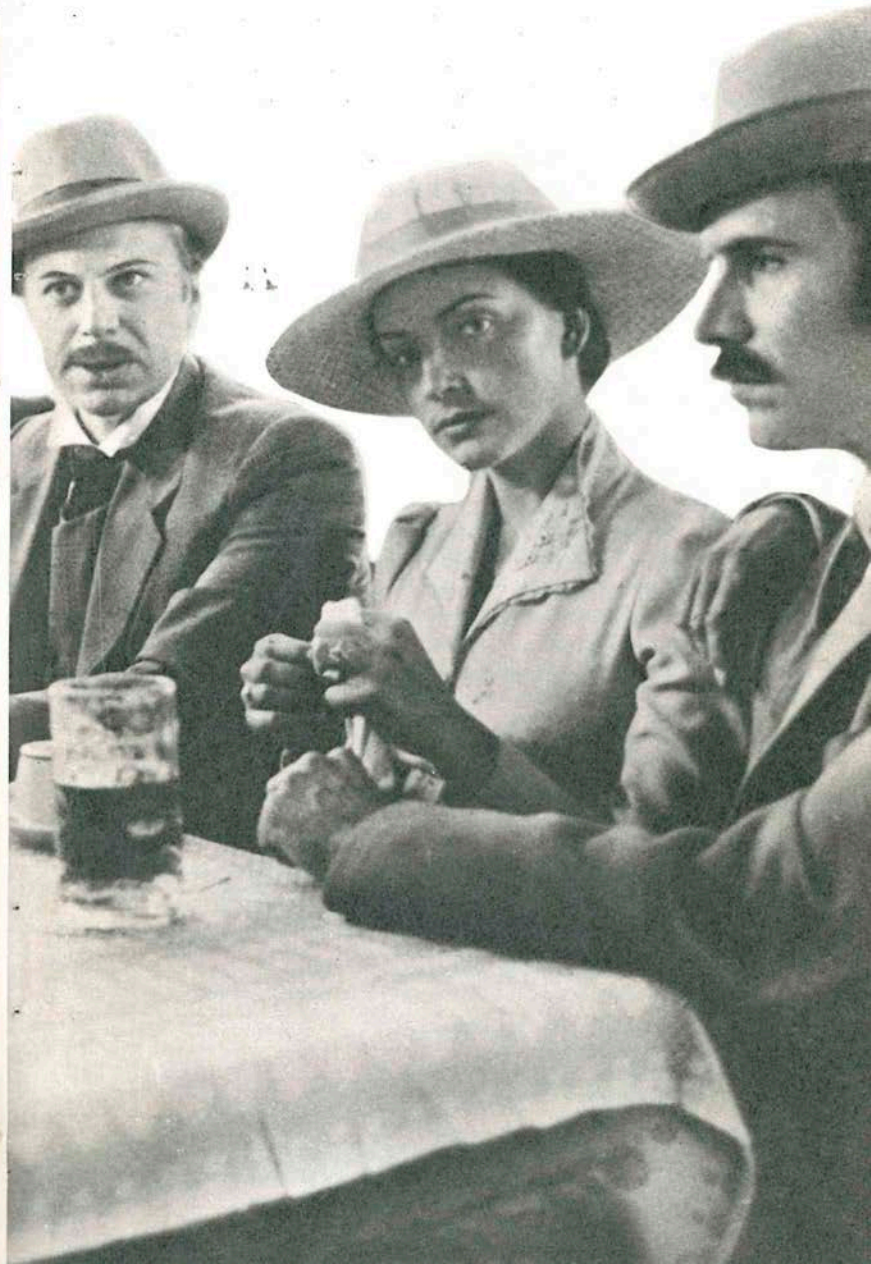

М. ШАТРОВ, В. ЛОГИНОВ, В. МЕЛЬНИКОВ

ДВЕ СТРОЧКИ МЕЛКИМ ШРИФТОМ

Киносценарий

Шатров М.

Ш 29 Две строчки мелким шрифтом: Киносценарий / М. Шатров, В. Логинов, В. Мельников; Вступ. статья М. Зака. — М.: Искусство, 1982. — 80 с., ил. — (Б-ка кинодраматургии).

Восстановить доброе имя человека — такова цель, которую ставит перед собой историк Голубков — главный герой фильма «Две строчки мелким шрифтом». В сценарии интересно переплетаются факты исторического прошлого с современностью, остро ставятся морально-этические проблемы, точно выписаны характеры персонажей.

4702000000-151

Ш ————— 78-80-82

025(01)-82

ББК 85.543(2)
778С + Р2

Заглавие сценария нуждается в пояснении. «Две строчки мелким шрифтом» — это все, что может получить аспирант Федор Голубков, предпринимая на свой страх и риск одно историческое исследование. Именно на свой страх: он взялся доказать, что некий Тишков, известный в революционном движении как провокатор, на самом деле честный человек. Результаты исследования уйдут в чужую диссертацию, а ему в сноске, если он не сломает шею, выразят благодарность.

Объявленная в заголовке формальная цена поступка ничтожно мала. Его нравственная оценка неизмеримо выше. По замыслу авторов, перепад между ними должен стать видимым, кинематографически явным. Отсюда этот контраст «мелкого шрифта» и крупности заложенного в нем смысла.

В сценарии впритык монтируются история и современность. Выглядит это достаточно просто. Пьют чай теперешние ленинградцы, и вдруг возникает надпись: «Германия, 1912 год», люди в костюмах тех лет сидят за столом и пьют пиво.

Право, наше кино знало и другую стыковку времен, когда, подчиняясь духовному взору, из глубин памяти всплывали картины прошлого, слегка приторможенные рапидом. Или пользовались эффектным приемом «фильма в фильме», чтобы монашеские рясы и рыцарские латы сменились в соседних фрагментах на блузки и брюки фабричного производства. Упомянем «Зеркало» и «Начало».

При таких сравнениях сценарий «Две строчки», внешне скромный и строгий в выборе художественных средств, невыигрывает.

Круг сравнений можно расширить. За счет работ тех же М. Шатрова и В. Логинова. Признанные мастера масштабной историко-революционной темы, они пошли на известные ограничения, выбрали здесь более узкий плацдарм, чем, скажем, в «Шестом июля», где революционные события были представлены в главных фигурах, действовавших в точно обрисованной документальной среде. Движение из 1918 года в современность протекло не на поверхности, а в глубине картины — по течению ленинской темы.

Неожиданной выглядит их встреча с В. Мельниковым. После целого ряда фильмов, включая, например, «Мама вышла замуж» или «Здравствуй и прощай», о нем сложилось мнение как о режиссере бытового фильма с комедийным уклоном. Вампилов-

ская драматургия, и в первую очередь телеэкранизация «Старшего сына», обнаружила резервы его творчества, брошенные на решение нравственных проблем нашего сегодня. Впрочем, несколько раньше кинорежиссер Юлий Райзман, не часто выступающий в роли критика, особо выделил «Здравствуй и прощай» в одной своей статье. И правда, можно было лишь подивиться тому, как из водевильной ситуации вырос в фильме столь неординарный женский характер, народный по сути. А заранее обреченная на споры и критику со стороны метров «гоголевской» филологии «Женитьба»? Она открыла в постановщике вкус к историческому быту, который заменил в картине привычный театральный антураж.

Не хотелось бы и дальше ширить круг сравнений. Но без одного имени и одного названия не обойтись. Ю. Трифонов — автор повести о народовольцах и автор цикла современных повестей, названных «московскими». Затем два времени состыковались в его «Старике».

Помню, как писатель рассказывал в телевизионном интервью, что у него собран полный комплект журнала «Каторга и ссылка». Об этом журнале речь идет в «Двух строчках». Совпадение легко объяснить. Хотя масштабы взяты разные, да и многое другое отличает эти вещи, и там и тут история революционного движения втекает в теперешние дни. Поток несет не только пожелтевшие архивные бумаги, но злободневные мысли и сегодняшние людские судьбы.

Восстановить доброе имя человека — цель, которая всегда современна. В жизни особенно. В искусстве эта цель есть одно из проявлений общей гуманистической темы, чей гражданский смысл трудно переоценить.

Как совместить на бумаге и пленке прошлое и настоящее, с помощью каких средств и ухищрений — плавно, незаметно или грубо, чтобы швы были видны, — каждый решает по-своему. Можно вообще обойтись без ретроспекций, целиком остаться в наших днях и все же быть историчным. Это понятие настолько емко, что нельзя предугадать или перечислить пути его художественного воплощения.

Прежде всего, очевидно, надо спросить: зачем? Во имя какой цели? Визуальное соседство разных времен в одной сценарной конструкции или на одном экране — прием настолько сильный, учитывая достоверную природу кино, что вряд ли стоит пользоваться им без большой необходимости, уповая на моду. Нужны веские обоснования.

В данном случае они есть.

Пожелтевшая фотография висит на стене. Вернее, несколько. Они висят в разных квартирах. Одна целая, на ней снята транс-

портная группа, переправлявшая из Германии в Россию литературу и людей. На других фотографиях отрезан левый угол. От Тишкова осталась кисть руки на плече соседа. Сюжетная пружина взведена. История с фото дает толчок действию.

Тут есть и нечто большее... Отзвуки другой истории, несюжетной, которая памятна горечью иных трагических страниц, одно время купированных, отрезанных от нас и от искусства, как «левый угол» на фотоотпечатке.

Я не знаю, был ли у Тишкова реальный прототип. Не узнает и зритель. Но ясно: вымысел документирован за счет историзма, что лежит в основе авторских намерений. Они, эти намерения, связывают прошлое с настоящим. В лучших сценах для таких связей найдены кинематографические решения.

Вот сцена, благодаря которой многое понимаешь и улавливаешь в замысле вещи: после провала очередной группы (он вел ее через границу) стреляется Степан Тишков. В сценарии кадры написаны зримо и написаны дважды, повторяясь, как в дурном сне.

В тесной мансарде появляются товарищи, чтобы передать Тишкову вызов на партийный суд. Тишков оказывается перед фронтом хмурых молодых лиц. Когда до него доходит страшный смысл обвинения, он сует товарищам револьвер, предлагая тут же покончить с ним.

Сцена написана с точно выбранной точки зрения. Это взгляд Генералова, одного из тех, кто был в мансарде и дожил до наших дней. В его домашнем архиве у этой же фотографии угол отрезан.

Сцена написана еще раз. Те же слова и тот же хлопок выстрела за дверью. И снова — бег навстречу по лестнице, и опять у лежащего на полу голова странно закинута. Но теперь Степан Тишков словно развернут к нам лицом, выделен, подан крупно. Так увидел сцену Безруков. Он никогда не верил в предательство Тишкова.

Два разных взгляда на событие и человека персонализированы в двух диаметральных точках, предусмотренных сценарным замыслом.

Посетители кино клубов, любители фильмотечных просмотров быстро назовут аналоги подобных сцен и, конечно, классический японский фильм «Расёмон» — с тремя версиями одной средневековой легенды. Действительно, прием известен. Он может быть тиражирован. Или обновлен, если ему сопутствует новая мысль.

Типологические черты роли Федора Голубкова в одном из вариантов сценария «Двух строчек» были отчеркнуты с помощью джинсов и бородки. Затем от них осталась только реплика: «джинсовое поколение». Федор появился в обычном помятом

костюмчике, решительно ничем не отличаясь от обитателей микрорайона, похожий на других, как дома черемушкинского типа. Появился, сдал сына в детский сад и побежал. Его «осенний марафон», чем-то похожий на одноименный фильм (те же ленинградские улицы и набережные), преследует, однако, иную цель.

Ему не хватает времени, как и всем. С улицы на улицу, из дома в дом. В челночном движении Голубкова кроется, на наш взгляд, особый смысл. Современный молодой интеллигент занят делом, которое в старину, если пользовались высоким слогом, называли «подвижничеством». Семантика слова, выражающего нерядовой нравственный смысл, будто проникла в подвижную художественную ткань сценария. Герой проделал немалый путь, прежде чем смог приблизиться к правде. Он выходил ее...

Не уверен, что данное объяснение — единственное. Спс, всегда возможен, особенно в случае, когда накоротке сближаешь замысел и средства его выражения. Но версия кажется мне близкой к тому, что хотели сказать авторы. Их историзм не ограничивается ретроспекциями или должностью героя, местом его работы — в Институте истории. Они опираются на нравственные традиции революционного движения, заявляя об этом не читателю, но благодаря характеру человека.

Один раз Голубков цитирует: «...правда не должна зависеть от того, кому она будет служить». Прежде чем прозвучит ленинская мысль, Федор постарается доказать свое право на эту цитату.

Поиск Голубкова помимо конечной цели преследует и цель художественную, не менее важную: он подключает к действию все новых людей, встречи расширяют поле исследования, «делом Тишкова», извлеченным из истории, поверяются сегодняшние характеры. Они должны успеть сложиться на пространстве нескольких реплик. В таких сценах-встречах (а их большинство) аспиранту отводится роль, которую он вынужден играть «петитом», на заднем плане. Понимая, видимо, меру трудностей, предстоящих исполнителю, авторы и режиссер (он входит в число сценаристов) написали необычную сцену.

«Когда собеседник говорил длинно и с неуместным пафосом, Голубков произвольно выключал звук и принимался его разглядывать. Он следил за тем, как шевелятся губы, поднимаются брови, возникают и пропадают улыбки...» — читаем в сценарии. Попытка проявить характер персонажа способом выключенного звука не вошла в фильм. То, что дома делается поворотом ручки телевизора, в зале могло бы вызвать недоумение и реплики в адрес киномеханика. Но думается, что сцена не исчезла совсем, частично перейдя в психологический план. Голубков существует на особых правах, несколько со стороны наблюдая за людьми и

событиями, внимательно присматриваясь к окружающему. Это профессиональный взгляд человека, живущего в иных масштабах времени, способного оценивать злободневное с позиций историка. Таковы наши предположения. Самому Голубкову они чужды, и знакомая реплика: «Не суетись ты...» — гораздо точнее отвечает его характеру.

Один из адресов приводит Федора к персонажу, о котором сказано: «небольшого роста, с приятным, интеллигентным, может быть, излишне нервным лицом». На вежливое голубковское: «...направил меня к вам, очевидно, полагая, что... что вы имеете какое-то отношение...» — следует ответ: «К провокатору Тишкову? Самое прямое. Я его внук. Какие еще будут вопросы?»

Сценарий наполнен ожиданием подобной встречи. Даже искусная ретроспекция не может дать вот такое реальное ощущение от встречи прошлого с настоящим, если она происходит на глазах и в то же время как бы внутри конкретной человеческой судьбы. Все важно в этом персонаже: и то, что фамилия его Ташков (заменена одна буква: «и» на «а» — «при паспортизации. Тогда это разрешалось»), и попытка острить («...неприятно было бы и вам и мне сидеть сейчас, ну, скажем, с потомками Дантеса...»), и открытый вызов, на крике («...если вы историк, то ищите лучше библиотеку Ивана Грозного!»), и сокровенное, самое трудное («У меня дочь, жена... Они ничего не знают»).

Получился документальный слепок с биографии, по-своему социальной, имеющей право быть представленной в искусстве, раз она представляет бывшее в действительности.

Надо отдать должное языку сценария. Голубков, влезший в чужую тему, потеснил владелицу этого материала — аспирантку Светлану. Ей недоставало жизненного пространства. Во многом спасает ее простейшее на слух определение: «светланин период». Какая невольная ирония истории: люди, прошедшие через застенки и ссылки, попали теперь в «светланин период», и боже упаси посягнуть на них, пока не состоялась официальная защита диссертации!

Сложность выстраивания произведения из двух временных пластов увеличивается, когда действие переносится не только из вчера в сегодня, но и с одной территории на другую. Фильм ставился совместно с кинематографистами ГДР. Этот союз не выглядит формальным. Художественная необходимость опирается на историческую, на связи между русским революционным движением и немецкими социал-демократами.

Какие выводы следуют?

Не секрет, что традиции историко-революционного фильма используются не в полную силу. Много писалось и говорилось о том, что внешний динамизм кадров заменяет порой движение

мысли. Думается, что сценарий М. Шатрова, В. Логинова и В. Мельникова, который условно можно озаглавить как «историко-современный», принадлежит к разряду поисковых произведений в этой немаловажной области нашего кино.

Есть и другой вывод, более частный. Речь идет о конкретности художественных решений. Настоящий провокатор не найден. Идентификация — вид криминальной лабораторной проверки, знакомой телезрителям по сериалу «Следствие ведут знатоки», — не дает результатов. Все-таки другой жанр. Но истина добыта, и она конкретна: Федор входит в подъезд, поднимается на лифте, нажимает кнопку звонка, в открывшейся двери встает девочка, за ней — человек «с излишне нервным лицом». Расследование завершается словами: «Вы узнаете меня? Я Голубков. Историк».

Необходимый финал — необходимый многим, но больше всего этому человеку в дверях.

М. Зак

Ленинград. Лето.

Со всех концов микрорайона к детскому саду спешили родители с детьми. Голубков-старший тянул за собой Голубкова-младшего.

— Пап, ты опять опаздываешь? — спросил младший.

— Еще как! — буркнул старший, открыл калитку и легонько подтолкнул сына к группе ребят. — Все. Вечером за тобой мама зайдет. Пока!

Купив пачку сигарет, Голубков втиснулся в автобус.

Выглядел Голубков точно так, как и следует выглядеть аспиранту. Впрочем, так же выглядят сегодня не только физически полноценные интеллектуалы, но и, скажем, кузовщики со станций автотехобслуживания...

Голубков быстро шел по набережной Невы. Войдя в ворота небольшого сквера, за деревьями которого прятался двухэтажный особняк середины прошлого века, он перевел дух: можно было считать себя уже на работе.

В сквере стояли, сидели на скамейках, прохаживались сотрудники института, которому принадлежал особняк. До начала работы оставалось несколько минут, и все предпочитали провести их на воздухе.

— Федор Николаевич! — окликнула Голубкова пожилая дама в джинсовом платье. — Вы не забыли? Сегодня в 17.30...

— Я не забыл, но мне сына брать из садика... — соврал Голубков.

Из машины, подъехавшей к подъезду особняка, вылез пожилой мужчина в сером костюме. Все сразу же потянулись к входу.

— Голубков, — остановил мужчину Федора, — вы сегодняшнюю газету видели?

— Ну конечно!

— Пожалуйста, чтобы к концу дня была передовая в нашей стенгазете. Большая просьба, — веско добавил он и вошел в подъезд.

Мимо Федора, здороваясь на ходу, пробежали опаздывающие сотрудники. У одного из них из кармана торчала свежая газета.

— Семизоров, — окликнул его Федор, — дай газету...

Голубков шел институтским коридором, на ходу просматривая передовицу газеты, которую он, конечно, еще не читал, затем завернул в свою комнату, где коллега по аспирантуре Светлана Колесник уже варила кофе.

— Привет.

— Привет.

Голубков подошел к своему столу, достал ножницы, клей и озабоченно принялся вырезать из передовицы нужные абзацы, потом подклеил их на чистый лист, а сверху и в промежутках между вырезками стал что-то писать «от себя».

— Ты вчера на совете обратил внимание на лицо Бартеньева? — не поворачиваясь от кофеварки, спросила Светлана.

— Отстань, не мешай, — ответил Голубков, дописал фразу, еще раз внимательно просмотрел написанное и вышел из комнаты.

В маленьком «предбаннике» перед кабинетом заведующего отделом уже стучала на машинке секретарша Люся и сидел чем-то огорченный младший научный сотрудник Семизоров.

— Гри-Гри не видел? — спросил он вошедшего Голубкова.

— Пока нет.

— Жуткая ситуация... посылают на похороны Богачева в 12 часов, а у меня уже договорено...

— Люсенька, срочно! — сказал Голубков секретарше. — В конце дня должно быть в стенгазете. Большая просьба.

— Моя газета? — спросил Семизоров, глядя на листки, принесенные Федором.

— Твоя, твоя. — Голубков задержался в дверях.

— Есть один вариант, — сказал он Семизорову. — Я, пожалуй, могу вместо тебя пойти на похороны Богачева... но тогда ты... замени меня в пятницу...

Когда Голубков вернулся к себе в комнату, за столом уже сидели завотделом Григорий Григорьевич Назаров, старший научный сотрудник Всеволод Семенович Бартенев (обоим было за шестьдесят), аспирант из ГДР Вальтер Вольф и Светлана. Перед ними стояла коробка с печеньем, чашки, шло утреннее кофе-питие. Чувствовалось, что ритуал этот был заведен не вчера.

Голубков сел на свое место.

— Обратно мы вас ждем,— говорил Григорий Григорьевич Вольфу,— десятого ноября. Защищать диссертацию будете двадцатого. Все трое,— он кивнул на Светлану и Федора.— Работы ваши хронологически продолжают друг друга, и сам факт одновременной защиты в определенном смысле закрывает тему — есть у нас такое выражение...

— С этим я тоже согласен,— сказал Вольф.

— Тема — одна,— улыбнулся Бартедьев,— но банкетов, надеюсь, будет три?

Все засмеялись. Григорий Григорьевич достал из кармана газету, положил ее перед Светланой:

— Читали? Завтра собрание. Думаю, от нашего отдела лучше всего выступить вам...

— Ой, Григорий Григорьевич, почему я?— попыталась сопротивиться Светлана.

— Да, да, именно вы, Светлана Андреевна... Симпатичная, обаятельная женщина...— Он улыбнулся.— Всем будет приятно... От текста, полагаю, особенно отходить не надо... А вот это место я просто процитировал бы...— Гри-Гри принялся читать длинную цитату.

Когда собеседник говорил длинно и с неуместным пафосом, Голубков произвольно выключал звук и принимался его разглядывать. Он следил за тем, как шевелятся губы, поднимаются брови, возникают и пропадают улыбки... Это, конечно, очень сбивало говорящего и тяготило самого Голубкова. Пожалуй, только Гри-Гри не реагировал на эти разглядывания.

— Дорого яичко к христову дню,— вдруг неожиданно сказал Вольф.— Когда я приеду десятого ноября, я привезу вам настоящий кофейник, на два сосуда.

— И все-таки это несправедливо, Григорий Григорьевич,— заметила Светлана.— К такому важному собранию нужно готовиться, а у меня сегодня еще Богачев... похороны...

— Поедем вместе,— откликнулся Федор.

С похорон возвращались в «Икарусе». Автобус свернул с проспекта и остановился перед массивным домом с колоннами и лепниной. Голубков помог выйти вдове, сухонькой старушке, прижимавшей к груди портрет покойного Богачева в траурной рамке, и еще двум старикам.

Потом они поднялись в просторном довоенном лифте — все вместе и в то же время каждый как бы сам по себе. И в доме покойного ничто их не соединило: вдова, не расставаясь с портретом, сидела у полунакрытого стола, а старики — на венских стульях у стены, увешанной фотографиями.

Голубков вошел в комнату и начал расставлять тарелки.

— Александра Осиповна...— Он хотел было взять у вдовы портрет, но она не выпускала его из рук.

Старики сидели безучастно и неподвижно.

Голубков вернулся на кухню. Светлана ловко делала салат.

— Как на кладбище?... Народ был?— спросила она.

— Все было как надо,— ответил Федор.

Светлана нарезала батон ровными, аккуратными ломтями и разложила их на хлебнице.

— А ты видел фотографию?— опять спросила она.

— Какую?

— Ну, в углу над стариком.

— А что?

— Посмотри.

Федор взял хлебницу и пошел в комнату.

На старой фотографии была изображена группа людей, одетых по моде начала века. Снимок был сделан где-то в парке, и, судя по надписи на паспорту,— в Германии.

— Ну и что?— сказал Голубков, вернувшись на кухню.— Транспортная группа. Вальдбург... Двенадцатый год. У нас дома такая же.

— А вот и не такая... У вас без левого угла.

— А что там?

— А там, между прочим, Тишков!

Голубков присвистнул и снова пошел в комнату.

Старики сидели все так же — неподвижно.

В левом углу фотографии, положив руку на плечо соседа, стоял молодой человек в студенческой тужурке.

— Михаил Иванович, пожалуйста... Петр Петрович... прошу к столу,— пригласил Голубков стариков и снова ушел на кухню.

— Да, странно с Тишковым-то...— сказал он Светлане.

— Вот именно!

Некоторое время Федор молчал, потом сказал:

— Света, у тебя тут все на мази... Я, пожалуй, пойду...

У меня еще библиотека и хозяйка...

— Давай,— кивнула Светлана,— я извинюсь...

Но Федор не уходил. Он стоял и молча смотрел, как спортивно летали руки Светланы над поминальными закусками.

— Вымирают твои герои,— сказал он.— Кто-нибудь еще остался?

— Вот эти двое, Безруков и Генералов,— сказала Светлана.— И те тридцать лет друг с другом не разговаривают.— Она улыбнулась.

Федя налил рюмку.

— Ну ладно, пусть будет земля пухом твоему Богачеву.

Он выпил, пошел к выходу.
В комнате, уже за столом, но все так же отчужденно, сидели старики.

Голубков шел по своему микрорайону. Было довольно поздно. Дверь ему открыла жена.

— Что так поздно? Хлеб купил? — спросила она.

— Хлеб забыл... Как Евгения Ивановна?

— Ничего...

— Это Федя? — послышался знакомый голос.

— Я, Евгения Ивановна!

— Зайдите ко мне!

Федор отдал Алене сумку и вошел в небольшую комнату, где за небольшим старинным секретером сидела Евгения Ивановна и перебирала бумаги и фотографии.

— Как Александра Осиповна?

— Нормально.

— Вот какой он был, — сказала Евгения Ивановна.

Федор подошел. На секретере лежали фотографии Богачева, расположенные в хронологическом порядке.

— Это в одиннадцатом году, в Киеве... Это он подарил нам с матерью в тридцать четвертом году... Он тогда был крупной

фигурой... Очень крупной. А все-таки вот позвонил, принес. Это в сорок втором... На фронте... Совсем еще молодой. — Она замолчала, продолжая перебирать фото.

Чьи-то лица, открытки с видами маленького немецкого городка, чьи-то похороны, фотографии школьных выпусков — в центре Евгения Ивановна.

— А это — уникам... Это вся транспортная группа в Вальдбурге... Вот Богачев. А это — наш Андрюша, — показала она Федору знакомую групповую фотографию. Левая часть снимка была аккуратно отрезана — осталась лишь рука Тишкова, лежащая на плече соседа.

— В общем, это единственное, что осталось на память о моем брате, кроме легенд...

— У Богачева она целиком, — заметил Федор.

— Это его дело, — поджав губы, сухо ответила Евгения Ивановна. — Вы же знаете, кто такой Тишков?

— Разумеется.

Евгения Ивановна неожиданно разволновалась:

— Я глубоко убеждена, что и гибель брата моего — Андрея Косоргина — тоже дело его рук! Андрей исчез как раз в двенадцатом году, при переходе границы... Во время тишковских провокаций...

Над секретером на видном месте висел большой портрет молодого человека — одного из тех, кто был на групповом снимке.

Федор ужинал на кухне. Алена сидела тут же и проверяла тетради.

— Евгения Ивановна, — вдруг громко спросил Голубков, — а почему все-таки у Богачева фотография с Тишковым на стене.

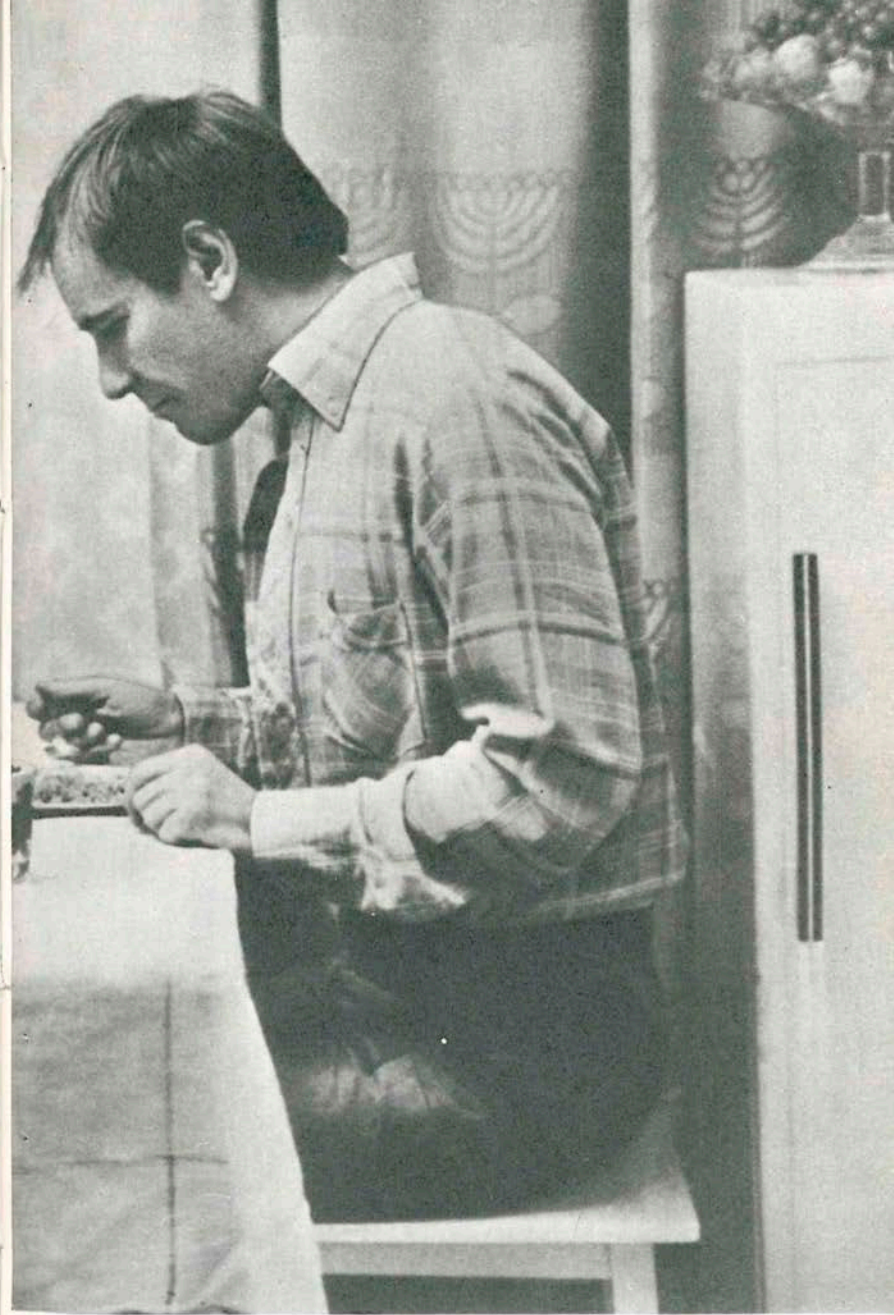
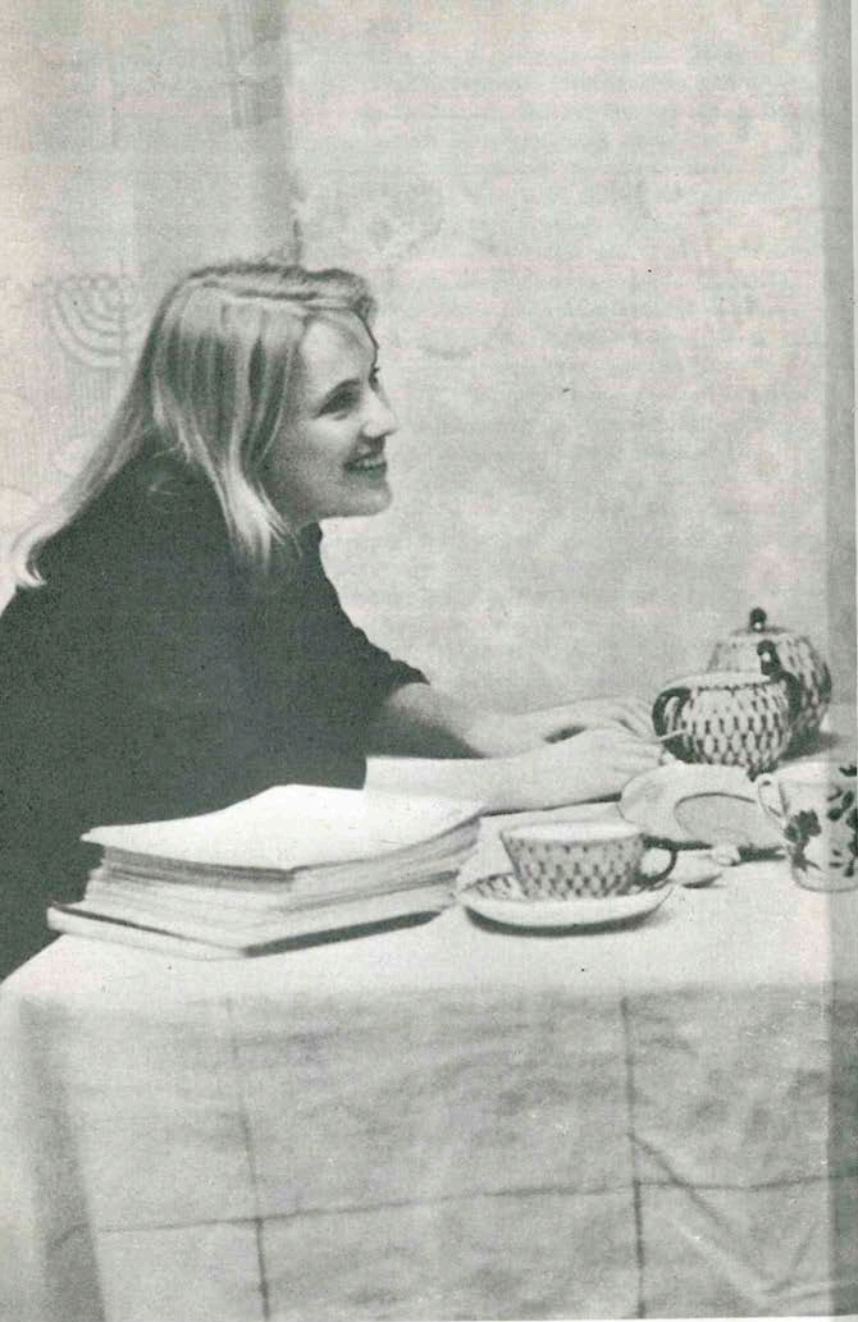
— Потому что, — ответила из своей комнаты Евгения Ивановна, — Артур Арну абсолютно прав: многим революционерам присуща эта благородная слабость — никогда не верить в подлость своих врагов... Алешу Богачева мы так и не смогли переубедить...

Алена укладывалась спать, в своей кроватке посапывал Голубков-младший... Федор, сняв с полки книгу, пошел покурить в ванную.

Книга называлась «Провокаторы царской охранки». Голубков открыл главу «Дело Тишкова». Со страницы книги на него смотрело лицо провокатора...

Федор разделся, лег в постель, погасил свет, но лежал с открытыми глазами.

— Как прошел день?— спросил он Алену.

— Хорошо, спасибо... А у тебя?

— Прощел...

С улицы доносился привычный городской шум. И вдруг все звуки пропали...

Тихая улочка маленького немецкого города. 1912 год. Но это не открытка из семейного архива Евгении Ивановны: редкие прохожие, из-за угла появился мужчина средних лет с саквояжем. К нему подходит молодой человек. Это — Богачев.

— Товарищ Кирилл?— спрашивает он.

— Да.

— С приездом. Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Я — Богачев...

— Ага. Очень приятно... Ну как, товарищи собрались?

— Да, они ждут.

Кирилл и Богачев идут по улице, о чем-то тихо переговариваясь между собой, подходят к небольшому кафе, где прямо на улице за столиком поодаль от других посетителей сидит группа молодых людей... У них лица тех — с фотографии...

— Здравствуйте, товарищи,— обращается к ним Кирилл.

— Здравствуйте... Здравствуйте,— отвечают сидящие за столом, с любопытством оглядывая приезжего.

— Это товарищ Кирилл,— говорит Богачев.— Знакомьтесь...

Каждый из присутствующих называет себя, и теперь уже Кирилл внимательно присматривается к ним...

— Косоргин...

— Генералов...

— Безруков...

— Ленц...

— Это наш немецкий товарищ,— поясняет Богачев.

— Тишков...

— Степная...

— Анджапаридзе...

Знакомство состоялось. Ровным, негромким голосом Кирилл начинает говорить:

— Что ж, товарищи, приступим сразу к делу... За последние полгода ваша транспортная группа, если судить по вашему отчету, переправила в Россию девять транспортов литературы, перевела через границу двадцать четыре человека, переслала восемьдесят три письма. Так?

— Так,— отвечает Степная.

— А вот,— продолжает Кирилл,— наши данные: из девяти транспортов в руки полиции попало четыре, из двадцати четырех человек арестованы одиннадцать, из восьмидесяти трех писем дошло лишь тридцать пять...

Все напряженно слушают.

— Вначале,— все тем же ровным, негромким голосом говорит Кирилл,— никакой системы в провалах не наблюдалось. Но за последние месяцы кое-что прояснилось... Провалы идут по линии Гёц — Дегтяри.

Все повернулись к Тишкову.

— Тишков,— сказал Богачев,— это твоя линия...

Тишков молчал...

— Не понимаю,— наконец заговорил он.— Всех, кто работает со мной, вы знаете... Вот — Ленц, вот — Степная, проводник на границе работал еще до меня... Что?

— Это может быть,— вырвалось у Ленца,— случай...

— Да. И все-таки за последние два месяца,— возразил Кирилл,— провалы только по этой линии.

— Я должен все проверить сам,— ответил Тишков.

— Что именно?— спросил Кирилл.

— Все... Маршрут, людей...

— Значит, снова рисковать?

— У вас есть другие предложения?— спросил Тишков.

— Нет,— пожал плечами Кирилл.

— Тогда следующую группу поведу я сам,— решительно сказал Тишков.

Группа Тишкова переходила границу ранним утром. Тишков, Ленц и поляк-контрабандист лежали рядом на опушке леса, всматривались в туман. Позади них, за гнилой корягой, притаились пятеро: трое — по виду рабочие, студент и пожилой человек в пенсе. Все пятеро были обуты в высокие болотные сапоги.

Из тумана появились фигуры стражников, прозвучала неторопливая немецкая речь и вскоре затихла вдаль.

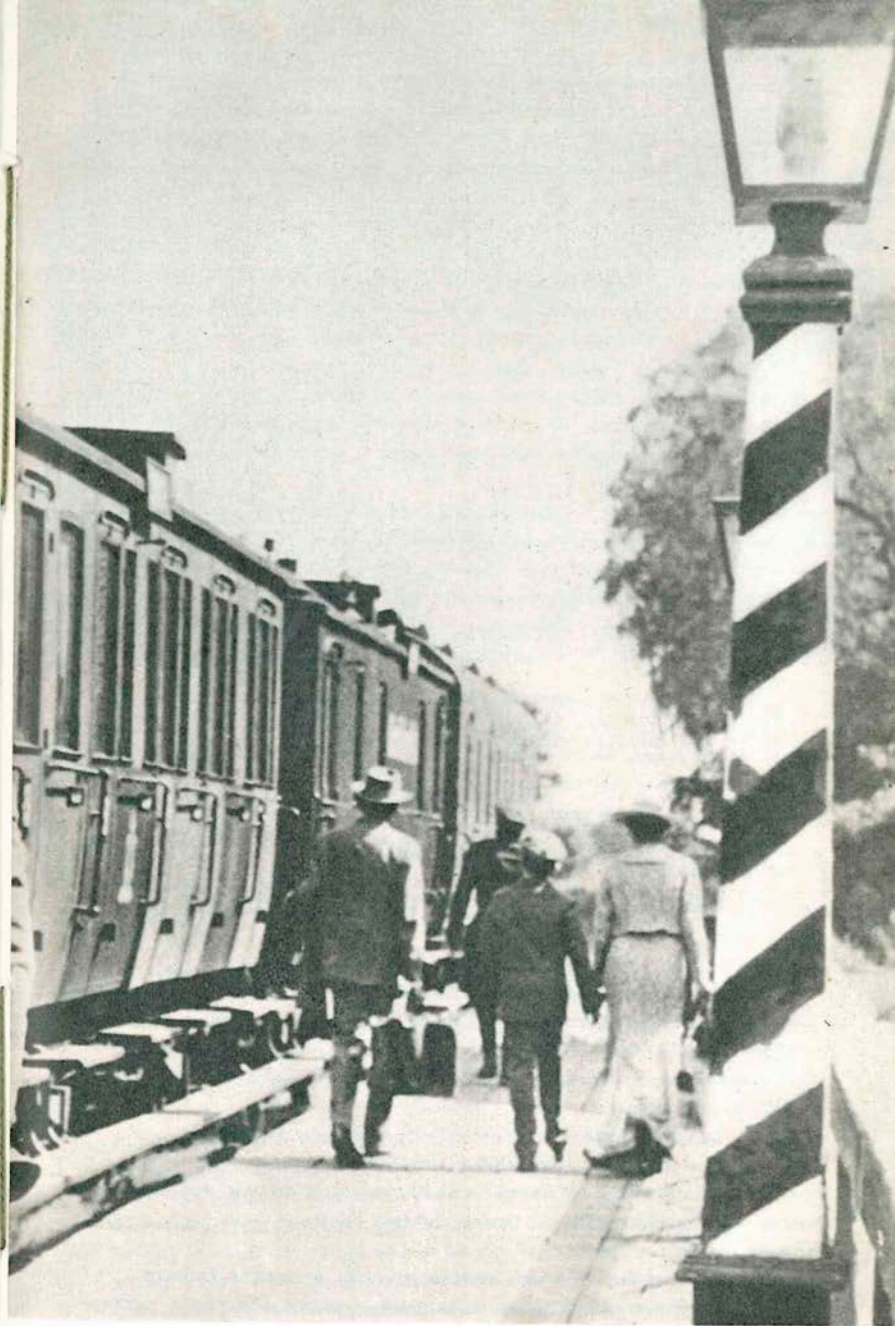
По знаку проводника-контрабандиста все быстро побежали вперед, спотыкаясь о кочки. Залегли в кустарнике по другую сторону болота, снова замерли, прислушиваясь к звукам. Донеслось лошадиное ржание. Вдали проехал русский конный патруль. Тишков хотел было поднять группу для следующего броска, но проводник остановил его. И тотчас же появился второй патруль.

— Что-то случилось,— шепнул контрабандист,— они идут один за другим — проскочить не успеем. Может быть, вернемся?

— Нет!— резко ответил Тишков.— Фридрих,— он повернулся к Ленцу,— бери троих и веди их вдоль ручья... И тогда уж веди их прямо на разъезд... Понял? А я рискну здесь.

Ленц кивнул и отполз к кустам. Вскоре он снова появился с тремя рабочими и быстро повел их в сторону.

Тишков выждал еще немного и дал сигнал оставшимся следовать за ним.

Они побежали из последних сил, задыхаясь и падая, через грязное вспаханное поле и наконец скатились в овраг. Здесь они немного отдохнули, дали отдышаться пожилому и снова стали карабкаться по склону оврага, держа курс на сломанную березу.

Первым у березы появился Тишков, за ним — студент и пожилой, которого поддерживал, почти волочил за собой проводник.

— Мы в России, — улыбнувшись, сообщил Тишков.

Студент и пожилой обнялись и долго стояли так, не размыкая рук. К ним подошел контрабандист и, тронув студента за плечо, показал на сапоги. Студент и пожилой сели на траву и стали разуваться. Контрабандист аккуратно складывал сапоги в мешок...

Переодетые, почистившиеся студент и пожилой, сопровождаемые Тишковым, шли вдоль железнодорожного состава, стоящего на маленькой русской пограничной станции. Подошли к вагону, попрощались. Поезд тронулся. Тишков остался на перроне и долго махал вслед поезду.

Тишков шел по кривой пристанционной улочке, остановился у ворот постоялого двора, постучал. Ему отворил бородатый мужик, впустил, ни о чем не спрашивая, показал на сарай. Тишков подошел к сараю, открыл скрипучую дверь.

— Можно выходить, товарищи.

Из темноты вышли четверо: трое мужчин и совсем молоденькая девушка.

— Здравствуйте. Ну что, готовы? — спросил Тишков.

У сломанной березы они надевали болотные сапоги проводника, которые тот доставал из своего мешка и передавал им, тихо переговаривались.

— Похоже, что и не выбирались из Сибири — снова болото, — говорил один из них.

— Бродяга Байкал переехал? — улыбнулся Тишков.

— Вот именно, — отозвался второй мужчина.

Девушка глядела вокруг сияющими и в то же время испуганными глазами. Видно было, что она впервые оказалась в такой переделке.

— Ну что ж, с богом, как говорится... — сказал Тишков.

Они перебрались через знакомый овраг и залегли в кустар-

нике. Было тихо. Тишков подал знак, и группа гуськом пошла по болоту. Вдалеке, уже на немецкой земле, темнела знакомая косяга. Снова залегли, осмотрелись.

— Плохо, — забеспокоился проводник, — совсем плохо. То шли друг за другом, а тут — как вымерли... Так не бывает.

— Нам попадаться нельзя, — сказал один из мужчин. — Мы беглые... Попадемся — петля.

— Но и ждать больше нельзя, — ответил Тишков. — Совсем светло.

Они поднялись и осторожно, оглядываясь и прислушиваясь, гуськом пошли по болоту.

И вдруг тишина взорвалась свистом, криками, ржанием лошадей. К тишковской группе, разбрызгивая болотную жижу, тяжело скакали немецкие стражники. Группа бросилась было назад, но и с русской стороны появились конные жандармы. Судя по всему, эта охота была заранее если не сретирована, то обговорена уж безусловно.

С гиканьем, стреляя в воздух, русские и немецкие жандармы гнали растерянных, обезумевших от неожиданности и ужаса людей по болоту, вдоль границы. Споткнувшись о кочку, девушка упала. Прямо на нее, размахивая шашкой, несся русский жандарм. Не помня себя, девушка выхватила маленький браунинг и

выстрелила. Лошадь взвилась на дыбы, и в ту же секунду шашка жандарма, сверкнув, опустилась на голову девушки. Все словно оцепенели.

Их согнали в кучу, связали. Русский и немецкий офицеры о чем-то переговаривали и, откозыряв, разъехались.

Каждый отряд гнал впереди свою добычу: немцы — контрабандиста, русские жандармы — троих в кровь избитых мужчин. Замыкала шествие лошадь, которую жандарм вел под узцы. На ней поперек седла лежал бесформенный куль с проступившими темными пятнами. Русские прошли мимо Тишкова, словно не замечая его. Он остался один посреди болота.

Голубков тихонько поднялся с постели и, нащупав в темноте тапочки, вышел в прихожую. Потом вернулся в комнату и притащил оттуда одежду. Натянув джинсы, он открыл входную дверь и спустился этажом ниже. Позвонил. Дверь открыла Светлана.

— Не разбудил?

— Нет.

— Вкальваешь?

— Я еще в школе слыла усидчивой девочкой.— Светлана пошла в комнату, Федор следом.

Рабочий стол Светланы был завален бумагами, журналами, газетными вырезками.

Федор уселся в кресло, взял с журнального столика нераспечатанную пачку «Честерфилда», вскрыл, закурил.

— Престижно-гостевые?— спросил Федор, водружая пачку на прежнее место.

— Выпить хочешь?

Федор отрицательно помотал головой.

— Слушай. Что же это все-таки за история с Тишковым?— спросил он.

— А-а!.. Талантливый провокатор. Выдал в общей сложности семнадцать человек, несколько транспортов с литературой, явки...

— Это я все знаю. Когда он вел последнюю группу, он уже был на подозрении?

— Да.

— Так зачем же ему было проваливать эту, последнюю группу. И ему и охранке, если она дорожила агентом?

— Ну, ты знаешь, внезапное прекращение провалов — тоже вещь подозрительная.

— Допустим. Но ведь он же вернулся в группу и обо всем сам рассказал...

— А это еще подозрительнее. Как он оказался на свободе? Но, думаю, что тогда, почти семьдесят лет назад, у его товарищей были и другие аргументы.

— Про запас...— сказал Федор и встал.— Странная история.

— Что? За такими пустяками ты приходишь в такой поздний час к одинокой женщине? И выходишь от нее в тапочках на босу ногу?

— А что?

— Что обо мне подумают?

— Ты у нас вне подозрений,— ответил Федор, выходя на лестничную площадку.

— Обижаетесь!— Светлана действительно обиделась...

Григорий Григорьевич шел по институтскому коридору, толкнул знакомую дверь и вошел в кабинет, где уже шло утреннее кофепитие. Григорий Григорьевич сел на свое место. Светлана налила ему кофе. Бартеньев продолжал свой рассказ:

— Академик вынул отзыв и начал внушительно читать: «вклад в науку...», «яркая работа...», «восходящий талант» и так далее. Только сам диссертант вдруг понял, что Николай Николаевич читает отзыв о какой-то совсем другой работе. Но вместо того, чтобы просто скромно поблагодарить, он начал что-то

лепетать, что он не мог недооценивать вклад Ключевского, так как о нем ничего не писал... Вот тут-то ученый совет проснулся и, естественно, накидал ему черных шаров — мол, не ставь академика в неудобное положение!

Все засмеялись.

Вошел Вольф.

— Бегунок, — озабоченно сказал он и показал всем небольшой листок.

— Какие проблемы, товарищ Вальтер? — улыбнулся Григорий Григорьевич.

— В местком надо? — спросил Вольф, читая обходной листок.

— Ты что, член нашего профсоюза? — удивился Федор.

— Нет.

Все переглянулись.

— Все равно надо, — убежденно сказала Светлана.

— Спорт-ин-вен-тарь, — по складам прочел это слово Вальтер.

— На лыжах катался? — поинтересовался Федор.

— Да.

— Лыжи ломал?

— Нет.

— Все равно надо, — сказала Светлана. — А библиотека?

— Был.

— Касса взаимопомощи? Деньги брал?

— Нет. Никогда! — поспешно ответил Вальтер.

— Все равно надо, — сказал Федор. — Даже тем более.

— Позвольте ваш бегунок. — Григорий Григорьевич протянул руку. — Я с удовольствием поставлю на нем автограф от имени нашего отдела.

— Спасибо.

— Не за что, — улыбнулся Бартеньев.

— Пойдем, Вальтер, — поднялся Федор, — я покажу тебе, где местком.

Они вышли в коридор. Голубков взял Вольфа под руку.

— Вальтер, тебе что-нибудь говорит такое имя — Фридрих Ленц? Социал-демократ, двенадцатый год. Вальдбург.

— Говорит. Хотя у нас это совсем забытое имя. Он помогал русским, но там была провокация, и Ленц как-то был соучастен... Не прямо, но все же соучастен...

— Дело Тишкова?

— Кажется, да. Знаю только, что русские товарищи выразили ему недоверие... И наши социал-демократы тоже...

Проводив Вальтера, Федор уселся на рабочее место и спросил у Бартеньева:

— Всеволод Семенович, книга «Провокаторы царской охранки» — серьезная книга?

— А-а, это вы про Тишкова? — ответил вопросом Бартеньев.

— Почему вы так решили?

— Ну, во-первых, недавно вы были на похоронах Богачева... Затем читали «Провокаторов царской охранки»... Дедуктивный метод!

Светлана настороженно подняла глаза от своих бумаг.

— Кстати, Федор Николаевич, чтобы вы впредь не отвлекались от своей диссертации, — продолжал Бартеньев, — рекомендую почитать Бурцева. Помните, был такой «охотник за провокаторами»? У него все изложено довольно убедительно... Почтайте его показания следственной комиссии Временного правительства...

— Какой комиссии? — переспросила Светлана.

— Комиссии по расследованию преступлений должностных лиц царского режима. — Бартеньев улыбнулся. — Кстати, милая Светочка, вы ведь занимаетесь у нас тысяча девятьсот девятым-двенадцатым годами... И все-таки, мне кажется, вам не мешало

бы знать, что было в семнадцатом году... И не только в октябре, но и раньше, в марте например...

Весна 1917 года. Петроград. К воротам Петропавловской крепости подъехал легковой автомобиль. Начальник караула с погонями штабс-капитана и алым бантом на груди проверил документы у солидного господина, сидевшего в авто, ворота распахнулись.

В сопровождении поручика солидный господин шел через двор крепости. Здесь у кирпичной стены, составив винтовки в козлы, грелись на весеннем солнышке солдаты. Кто-то наигрывал на гармошке. Неподалеку под охраной таких же солдат прогуливались арестанты: генералы, фрейлины и министры бывшего царского правительства.

Солидный господин сидел перед следователем в одном из помещений Петропавловской крепости, которое занимала Чрезвычайная комиссия. В углу за отдельным столиком вел протокол секретарь.

— Вы знаете, конечно,— говорил следователь,— что часть ма-

териалов охранки погибла при пожаре в феврале. В оставшихся бумагах имя Тишкова как осведомителя не упоминается...

— Тем не менее,— решительно ответил господин,— он — провокатор.

— На чем вы основываете ваше обвинение?

— На сведениях, полученных от большевиков о провалах на границе и транспорте...

— Так.

— Тишков почему-то всегда удачно избегал ареста. Но это еще не все...

— Продолжайте, продолжайте...

— Вам, вероятно, известно, что я пользовался некоторыми сведениями, исходившими из недр самой охранки. Мне давал данные Бакай и некоторые другие лица. От них стало известно, что Тишков имел свой счет в немецком банке и охранка туда регулярно переводила крупные суммы.

— От имени комиссии благодарю вас, господин Бурцев.— Следователь встал.

Встал и Бурцев. Он был очень доволен собой.

— Есть еще один аргумент, чисто психологический, однако не менее важный... Что делает невинный человек, заподозренный товарищами в провокаторстве? Он борется, защищается, смывает грязь со своего честного имени. А что делает разоблаченный, припертый к стене провокатор? Он стреляется, подписывая тем самым себе приговор.

— Тишков застрелился?

— Вот именно!

В квартире Голубкова заканчивался прощальный ужин. В этот вечер Вальтер Вольф улетал домой. Гремел во всю мощь проигрыватель, и под звуки модной мелодии ансамбля «Бонни М» Светлана лихо отплясывала с Костином — младшим Голубковым.

В углу, поставив рюмки на журнальный столик, о чем-то тихо спорили между собой Голубков-старший и Бартеньев.

За обеденным столом Вальтер старательно записывал кулинарные рецепты Евгении Ивановны...

— И сметана...— диктовала она.

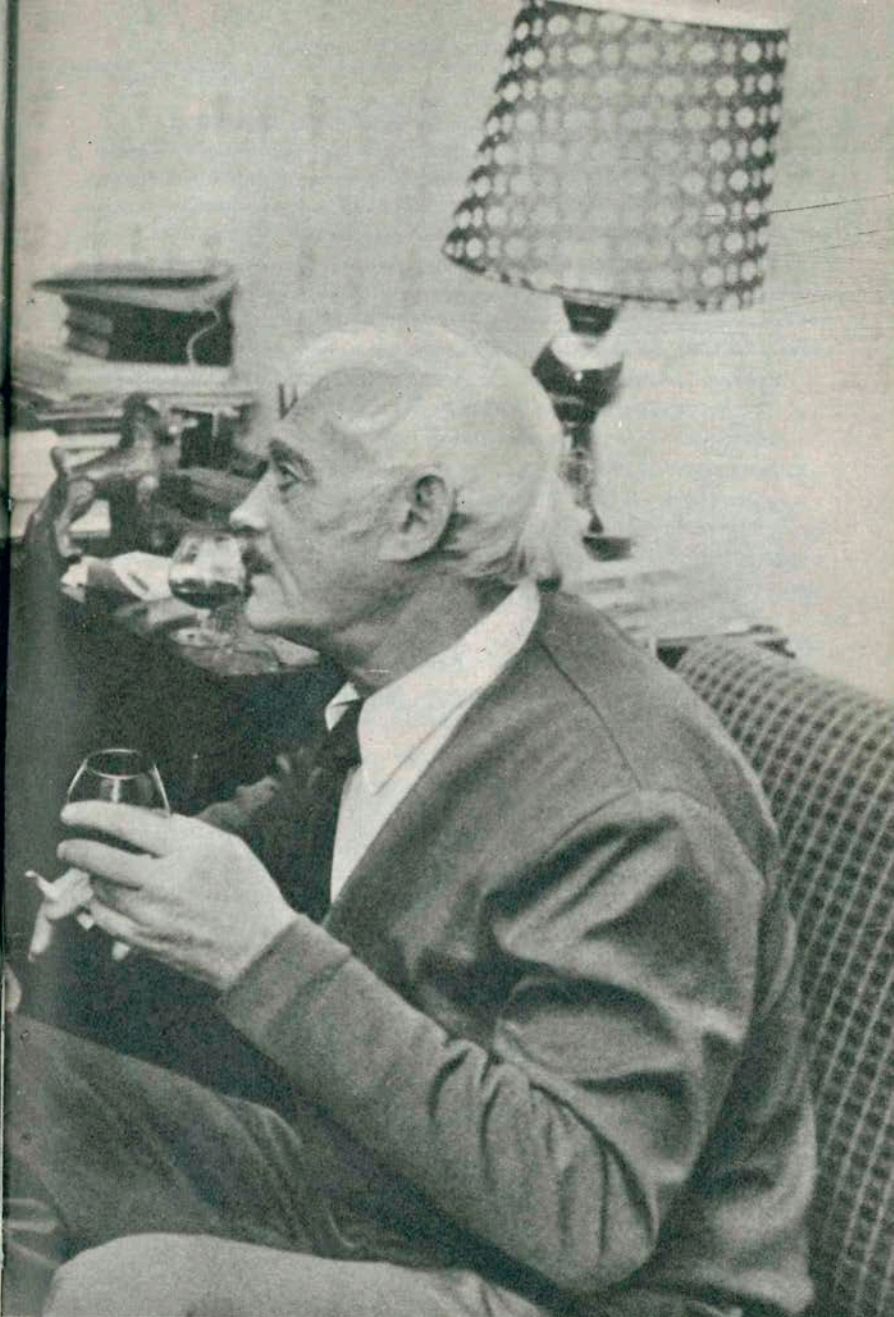
— У нас нет сметаны.— Вальтер поднял голову.— Мы не едим сметаны.

— Что? Ну прекратите же,— Евгения Ивановна повернулась к Светлане.— Ведь это же — песня протеста! Боже мой!

Светлана потащила за собой Костика в коридор.

— Не едим сметаны,— повторил Вальтер.

— Тогда заменим это все — сливками... И скажите вашей маме...

Спор у журнального столика постепенно накалялся...

— Нельзя так, — возражал Голубкову Бартеньев. — Сразу и трепач... Как так можно? Владимир Львович Бурцев — это ведь...

— Трепач, — перебил его Голубков. — А комиссия ваша — сплошная оперетка.

— Как же так можно? — возмущался Бартеньев. — К человеческим слабостям надо относиться снисходительно... А вы все хотите на зуб попробовать...

— Не нравится он мне, вот и все... Вальтер, — обратился Голубков к Вольфу, — кто сказал: «Подвергай все сомнению!»?

— Товарищ Маркс сказал, — ответил Вальтер, пряча в карман записную книжку с кулинарным рецептом. — Лично мне сказал и тем, кто его читал.

— Такси на подходе. — Алена внесла поднос с наполненными рюмками. — За стол. Все за стол.

— Посошок, — объяснила Вальтеру Евгения Ивановна.

Вальтер встал:

— Пусть я скажу... Уже два года мы подружились: Федор, Алена, Евгения Ивановна...

— И со мной, — вставил Костик.

— Я сегодня уезжаю домой. Мне было с вами хорошо. Это не просто вежливость — это правда. Так и есть. — Вальтер поднял рюмку. — Будем!

— Ой! — удивилась Евгения Ивановна. — Чему же вы его здесь научили?!

У подъезда Голубков и Бартеньев долго махали вслед ушедшему такси. Потом Федор пошел провожать Бартеньева до соседнего подъезда.

— Федор Николаевич, — серьезно обратился к Голубкову Бартеньев. — Примите мой совет — бросьте вы это тишковское дело... Как любит выражаться наш уважаемый Григорий Григорьевич, это давно закрытая тема. Вот так. Особенно этим не следует заниматься вам. Никогда... Спокойной ночи! — И Бартеньев скрылся в подъезде.

Федор стоял в недоумении.

По одной из линий Васильевского острова шел Голубков. Перед старинным домом в стиле модерн он остановился, вошел в подъезд. Очевидно, дом был после капитального ремонта: во всяком случае, лифт, входные двери квартир — все было новым и современным. Федор позвонил в дверь с медной табличкой «Генералов П. П.».

Дверь открыл старик — один из тех, кто был на похоронах Богачева.

— Здравствуйте. Я — Голубков. Я вам звонил.

— Прошу.

Старик был крупный, выглядел для своих лет хорошо. Они вошли в комнату, уставленную старой мебелью, которая смотрелась в современной квартире довольно странно, сели за большой круглый стол.

— Чем могу служить? — спросил Генералов.

— Вы меня не узнаете? Мы с вами встречались на похоронах Алексея Петровича...

— Ах, на похоронах... — Старик внимательно посмотрел на Голубкова. — Вы из Косоргиных?

— Да, я муж Алены, но я еще и историк — по совместительству. — Федор улыбнулся. — Петр Петрович, расскажите, пожалуйста, все, что вы знаете о вальдбургской группе.

Генералов тоже заулыбался. Видимо, рассказывать о своем прошлом было для него делом и привычным и приятным.

— Пожалуйста. К вашим услугам...

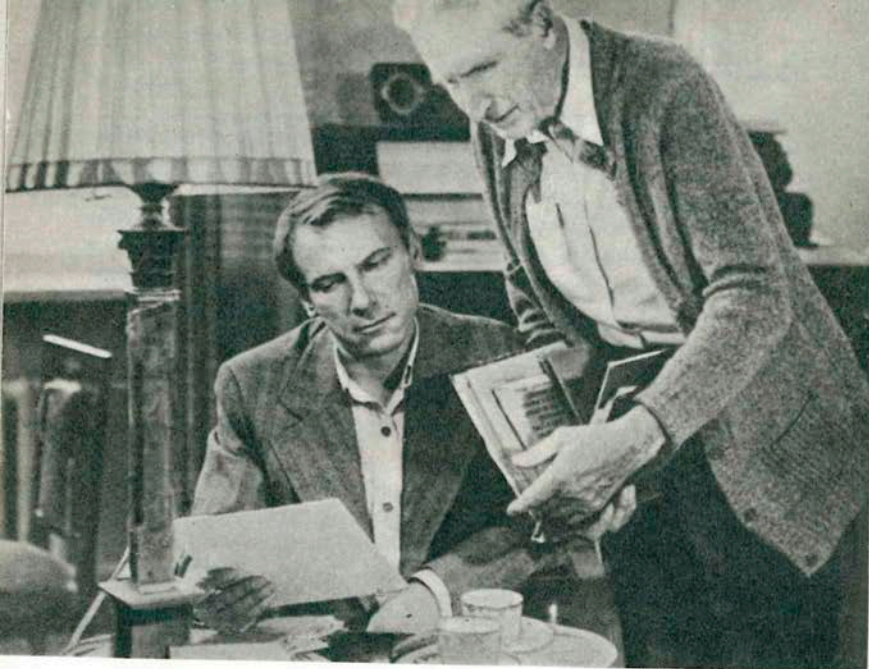
— Вы знали Тишкова?

— Ну конечно.

— Не могли бы вы мне рассказать подробнее о его самоубийстве?

— Ну, я был, можно сказать, очевидцем.

— Да, ведь тогда, после провала, он, кажется, вернулся к вам в Вальдбург?

— Да, вернулся... Но, по правде говоря, для меня это было неожиданностью.

— Так-так...

— Ведь мы уже обо всем знали.

— Ну-ну...

— В тот вечер я поздно вернулся в пансион...

Из дверей кухни выглянула полная пожилая женщина, поздоровалась с Федором и позвала:

— Анюта! Иди-ка сюда.

Из соседней комнаты вышла молоденькая девушка в белых брючках, с любопытством посмотрела на Голубкова и прошла на кухню.

— Это моя дочь и моя правнучка,— с гордостью сказал Генералов.— Да... Так вот...— продолжил он,— в ту ночь я поздно вернулся в пансион и еще издали заметил... обратил внимание, что в комнате Тишкова горит свет...

По вечерней вальдбургской улочке идет молодой Генералов, останавливается у аккуратного двухэтажного дома. На втором

этаже светится окно. Генералов звонит. Дверь открывает хозяйка.

— Добрый вечер, фрау Малих...

Генералов поднимается на второй этаж, толкает дверь...

В комнате на кровати сидит Тишков. Перед ним стоят Богачев, Косоргин, Безруков, Степная, Анджапаридзе и слушают его сбивчивый, сумбурный рассказ...

— Я ничего не понимаю... Произошло что-то дикое... Я же говорил... Туда мы прошли благополучно... То есть, абсолютно благополучно. Двоих я сам посадил в поезд... А когда вел обратно... Этот провал... А потом жандармы проехали мимо меня... в трех шагах...— Тишков судорожно улынулся.— Нет, вы не представляете?! Как они могли меня не заметить...

Все молчали.

— Но ведь туда я прошел спокойно и посадил тех двоих в поезд...— снова повторил Тишков.

— Они были арестованы в вагоне,— сообщил Богачев.

— Как?!— Тишков казался потрясенным.

— Вот так. Ты еще махал им с перрона,— сказал Косоргин,— а за ними уже стояли жандармы.

— Взятые в поезде,— зло добавил Генералов.— И все выглядит так, будто ты тут ни при чем...

Тишков резко поднялся.

— Что такое?— переспросил он.— Что ты имеешь в виду? Опомнись! Я тебя в партию привел!

— Спокойно,— остановил его Богачев.— Дело в том, что благополучно прошла только группа Ленца.

— В которой не было тебя!— снова выкрикнул Генералов. Тишков попятился и буквально осел на кровать.

— Нет... я... Вы думаете, что я... Вы мне не верите? Но ведь я же вернулся, я сам сюда пришел... Богачев! Ведь ты давно знаешь меня! Товарищи!..

Все молчали.

— Тогда объясни нам, Тишков,— заговорил наконец Богачев.

— Так в том-то все и дело, что я ничего не могу объяснить!

— Одиннадцать человек уже в тюрьме,— сказал Богачев.— И теперь еще эти двое! Убита Шура Зайцева... А ты здесь... и ничего не можешь объяснить?

— Но это странное стечение обстоятельств,— торопливо заговорил Тишков.— Это просто очень странное стечение обстоятельств. Вы понимаете?

Все продолжали молчать. И тогда Тишков закричал:

— Значит, я провокатор?! А вы пришли меня казнить?— Он бросился к столу, начал что-то искать, выдвигая ящики, выбрасывая их содержимое, наконец, нашел револьвер.— Стре-

ляйте! Ну, кто? Ты, Генералов? Ты, Косоргин? А может быть, вы
фрейлейн?— Он сунул револьвер Степной.

— Вот что, Тишков,— тихо сказал Богачев.— Семнадцатого
числа, то есть через два дня, в известном тебе месте соберутся
товарищи. Ты будешь отвечать перед партийным судом.

Все, теснясь, стали выходить из комнатушки.

Некоторое время они стояли на лестничной площадке первого
этажа, тихо переговаривались.

— Да,— как бы самому себе сказал Богачев,— мы не имеем
права жеманничать...

Со второго этажа, из комнаты Тишкова, раздался револьвер-
ный выстрел.

Первым вбежал в комнату Безруков, за ним остальные.

Тишков лежал на полу у кровати, голова была странно за-
кинута.

— Вот вам и ответ...— бросил Косоргин.

— И концы в воду,— добавил Генералов.

Федор сидел за столом в квартире Генералова перед грудой
фотографий, писем, открыток и газетных вырезок. Вошла пра-
внучка, поставила на стол чашки с кофе.

— Угощайтесь, пожалуйста.— И вышла.

Хозяин возился у книжного шкафа, вынимая новые
папки.

— У вас тут целый архив, Петр Петрович,— заметил Федор.

— Н-да, вы доживите до восьмидесяти с хвостиком.— Гене-
ралов подошел к столу.— Вот взгляните. Здесь моя статья об
этой провокации. Журнал «Каторга и ссылка». А вот... вот вся
наша группа.— Он протянул Федору знакомую фотографию.—
Вот это ваш родственник — Косоргин, это Степная. Это — Бога-
чев... новопреставленный.

— Петр Петрович, а почему у Богачева фотография с Тиш-
ковым на стене?

Генералов внимательно посмотрел на Федора:

— Ах вот вы о чем. Фотографию он повесил совсем недавно.
Можно сказать, перед самой смертью... Э-э,— Генералов махнул
рукой,— считаю это старческим маразмом.

— А почему вы в ссоре с Безруковым?

— Тебе известно и про это?— вдруг перешел на «ты» Гене-
ралов.— Да, у нас расхождения. И по тишковскому делу тоже.

— А у него что, были причины сомневаться?

— Нет причин!— Генералов повысил голос.— Нет! Есть толь-

ко желание выглядеть чистеньким и добреньким... А ты знаешь, где я нашел точно такую фотографию?

— Где?

— В архиве охраны. А Тишков когда-то говорил, что потерял свой экземпляр.

— А когда вы ее нашли?

— В пятьдесят седьмом году. Рылся в архиве и нашел.

— Рылись в архиве? Вы что, тоже сомневаетесь?

— Ну вот что,— раздраженно заговорил Генералов.— Кажется, я понимаю, зачем ты пришел... Вы ведь теперь увлекаетесь нюансами. Жил-был, к примеру, обыкновенный убийца. «Да,— говорите вы,— это так. Однако новейшей наукой установлено, что у него была злая теща». Как будто от этого убийца перестает быть убийцей!

— Нюансы нужны, чтобы установить истину.

— А истина давно установлена! Этим занимались следственные органы!— Генералов почти кричал.— Что же, значит, столько выясняли и ничего не выяснили?

Федор встал.

В холле Дома ветеранов сидели в креслах перед подшивками газет, бесшумно прогуливались по мохнатым ковровым дорожкам обитатели Дома. Федор сидел в кресле и ждал. К нему подошла няня, еще нестарая, аккуратно одетая женщина с милым лицом.

— Михаил Иванович вас ждет.

Федор встал, и они пошли по длинному коридору, усталому все теми же мохнатыми дорожками. Старики с любопытством оглядывали Федора. Некоторые вежливо здоровались.

Федора встретил худой старик в очках — тот, что сидел в день похорон в богачевской квартире рядом с известной фотографией.

— Безруков Михаил Иванович,— представился старик.

— Моя фамилия Голубков. Я историк, и хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Да-да, прошу. Садитесь.

Комната Безрукова была обставлена рациональной гостиничной мебелью. Ничто здесь не отражало индивидуальности владельца, даже букет ромашек в стандартной вазе и акварель на стене...

— Значит, вы — историк?

— Да, в какой-то степени...

— Ну, слушаю, слушаю вас.

— Расскажите, пожалуйста, о последних днях жизни провокатора Тишкова.

— А почему провокатора?— с неожиданной агрессивностью спросил Безруков.

— А кто же он?

— Он честный человек! И не в том смысле, скажем, что он не воровал, не ел чужой хлеб... У него была честь, и он ею дорожил!

— Михаил Иванович! А не могли бы вы поподробнее?

— Ну что ж, пожалуйста. Так вот. После провала на границе... Вы понимаете, о чем я говорю?

Федор кивнул.

— После этого провала Степа вернулся в страшном шоке.

— Степа?

— Тишкова звали Степан... Я собирался в Народный дом — так тогда назывался рабочий клуб,— брился. Мы со Степой жили в пансионе рядом, наши комнаты были рядом... Вдруг слышу за стенкой какой-то шум, скрип двери... Я вошел и вижу — Степа сидит на кровати бледный и потрясенный. А вокруг стоят наши...

В маленькой комнате пансиона фрау Малих перед товарищами стоял растерянный и потрясенный Тишков.

— ...прошла только группа Ленца,— сказал Богачев.
— В которой не было тебя!— выкрикнул Генералов.
Тишков попятился и буквально осел на кровать.
— Вы думаете, что я... Но ведь я же вернулся, я сам сюда пришел... Богачев, ты давно меня знаешь... Товарищи!
Все молчали.
— Но тогда объясни нам, Тишков,— заговорил наконец Богачев.
— Да в том-то все и дело, что я ничего не могу объяснить!
— Одиннадцать человек уже в тюрьме,— сказал Богачев,— и теперь еще эти двое... Убита Шура Зайцева... А ты здесь и ничего не можешь объяснить?
— Но это странное стечение обстоятельств,— торопливо заговорил Тишков.— Просто очень странное стечение обстоятельств. Вы понимаете?
Все продолжали молчать.
И тогда Тишков закричал:
— Значит, я провокатор?! А вы пришли меня казнить?— Он бросился к столу, начал что-то искать, выдвигая ящики, выбрасывая их содержимое, наконец нашел револьвер.— Ну, стреляйте! Кто? Ты, Генералов? Ты, Косоргин? Кто?
— Вот что, Тишков,— тихо сказал Богачев.— Семнадцатого

числа, то есть через два дня, в известном тебе месте соберутся товарищи. Ты будешь отвечать перед партийным судом. Все, теснясь, стали выходить из комнатухи.

Безруков выходил последним и оглянулся.
На него с надеждой смотрел Тишков.
Безруков отвел взгляд.
— Надо бы присмотреть за ним,— сказал Косоргин, когда все спустились на первый этаж.
— Думаешь, сбежит?— спросил Генералов.
— Никуда он не сбежит!— запальчиво ответил Безруков.
— Почему?
— Не сбежит, и все!
— Это, брат, эмоции...
— Да, мы не имеем права жеманничать,— вздохнул Богачев.
В этот момент раздался выстрел.
Первым вбежал в комнату Безруков.
Тишков лежал на полу у кровати, голова его была странно закинута.

Безруков приподнял голову Тишкова, тот открыл глаза.
— Видишь... Миша...— с трудом выговорил он, вздрогнул и затих.
В комнату вбежали остальные. Тишков был мертв.
— Вот вам и ответ,— бросил Косоргин.
— И концы в воду,— добавил Генералов.
— Нет! Неправда! Товарищи, неправда! Так нельзя!— закричал Безруков.

Через окно было видно, как два старика поливают из шланга клумбу перед Домом ветеранов.
— Но это действительно всего лишь эмоции, Михаил Иванович,— сказал, помолчав, Голубков.
— Когда-то перед войной мне вот такой же молодой человек говорил: «Факты нужны, факты! Эмоции к делу не пришьешь, Москва слезам не верит». Это я уже слышал.
— Да, нужны факты... А факты,— сказал Голубков,— таковы: те, кто шел с Тишковым,— арестованы, а те, кто без него,— прошли благополучно.
Совершенно неожиданно Безруков обрадовался.
— Но это же не факт!— воскликнул он.— Степан выехал из Вальдбурга, чтобы проводить группу на Дегтяри. Так? И об этом знали все... Но троих он отправляет другой дорогой, которую

знает только он... Понимаете? Только он... И что же? Все эти трое с Ленцем проходят благополучно...

— Мда.

— Это раз. А теперь скажите — зачем он вернулся в Вальдбург?

— Надеялся выкрутиться.

— А почему не выкручивался?

Голубков не ответил.

— А может быть, для того, чтобы найти виноватого?

Федор молчал.

Безруков встал и, оглянувшись на дверь, вынул из-за казенной акварели пачку «Примы», закурил.

— Ну а почему же он тогда застрелился? — спросил Голубков.

— Да потому что мы... мы все... его близкие друзья... ему не поверили...

Они помолчали.

— Михаил Иванович, до встречи с вами я говорил с Петром Петровичем Генераловым...

— А-а, ну я знаю, что вам говорил Генералов...

— Почему?

— Да потому, что он тогда против Тишкова... громче всех...

Они опять помолчали.

— Одного понять не могу, — сказал Федор. — Давно об этом думаю... Как же так... столько лет знали друг друга... А потом вдруг... Сразу так...

— Это что же, камешек в наше поколение? — Безруков заходил по комнате. — Принимаю, но отчасти. — Он остановился перед Федором. — Посмотрим, как проживет ваше поколение, джинсовое...

Безруков отвернулся к окну. Федор подошел и встал рядом.

Садик перед Домом был небольшой, и прогулочная дорожка, выложенная беленькими плитками, извивалась затейливыми петлями, в иных местах пересекая самою себя. Старички и старушки чинной вереницей прогуливались по этому лабиринту.

— А Михал Иванычу пора гуля-ать, — пропела нянечка, приоткрыв дверь.

В квартире Голубкова у телевизора сидели Костик и Евгения Ивановна. Передавали какой-то детектив... На экране молодая женщина с широко открытыми от ужаса глазами, отпрянув к стене, кричала: «Убийца!»

— Идите скорей, — позвал Костик родителей. — Сейчас самое интересное!

— Хорошо, сейчас идем! — откликнулся Федор с кухни, где он заканчивал ужин.

— Да, слушай, — вдруг вспомнила Алена, мывшая посуду. — Всеволод Семенович Бартедьев просил провести с тобой воспитательную работу...

— Да?

— Да. Он говорит, что ты влезаешь в светланин период... и вообще в дебри... Ты что, хочешь поссорить меня с соседкой?

— Хм, а может быть, наоборот — для нее и стараюсь.

— Тогда это меня беспокоит еще больше, — засмеялась Алена.

— Где же вы? — услышался голос Евгении Ивановны из соседней комнаты.

— Идем, идем.

Костик уже спал. Федор лежал в постели с журналом в руках. Алена у зеркала занималась вечерним туалетом.

— Светлана — дура, — неожиданно сказал Федор. — Если поразмышлять хотя бы над тишковским делом, получается все не так просто. — Федор подвинулся, уступая Алене место. — Почему историки вот уже шестьдесят лет вяжутся к одному Тишкову? Это несправедливо! После провала вальдбургская группа распалась. Большинство из них переехало в Берлин, но и там они продолжали заниматься транспортом. А провалов-то уже не было. Что из этого следует? А? Что провокатора следует искать среди тех, кто уже отошел от работы. А это, кроме покойного Тишкова, еще Ленц — немецкий социал-демократ. После провокации ему выразили недоверие даже свои. С чего бы это? А Степная? Она, конечно, личность легендарная, но в это время у нее была романтическая любовь с одним эсером... А романтическая любовь может завести женщину очень далеко... очень...

— Излишние знания порождают цинизм, — назидательно сказала Алена.

— Нет, погоди, а Косоргин? Он ведь тоже отошел от работы!

— Не вздумай поделиться этим с тетей! — ответила Алена и отвернулась к стене.

В прихожей зазвонил телефон.

— Квартира Косоргиных, — услышался голос Евгении Ивановны.

— Слушай, а почему она всегда говорит «квартира Косоргиных»? — возмутился Федор.

— Самоутверждается. И потом, строго говоря, здесь больше Косоргиных. Я — Косоргина, твой сын отчасти тоже Косоргин... Спокойной ночи.

— Спокойной ночи... А когда ты говорила с Бареньевым? — спросил Федор.

— Сегодня. Он позвонил мне на работу.

— На работу?..

Федор, Светлана и Бареньев сидели в комнате отдела каждый за своим столом, углубившись в работу. Ничего видимого не происходило, но былой непринужденности не чувствовалось.

— Федор, передай мне клей, пожалуйста, — вежливо попросила Светлана.

Федор передал.

— Спасибо. — Светлана проделала какую-то манипуляцию с бумагами и вышла.

— Всеволод Семенович!

— Да, — не поднимая глаз от книги, откликнулся Бареньев.

— Вы звонили Алене, вы предупреждали меня, чтобы я не занимался делом Тишкова... Почему?

Бареньев не ответил.

— Из-за Светланы? Только?

— Да. Нет. Просто я сам... занимался этой историей... когда-то... Э-э... пытался...

Бареньев вышел из-за стола, подошел к окну.

— Так вот, дорогой мой, рано или поздно вам все равно придется задать себе вопрос: если не Тишков, то кто?

— Уже.

— Вот видите — уже! Значит, вас заинтересовало несколько фамилий? Правильно?

— Да.

— И среди них Косоргин.

Федор молчал.

— Верно? — настаивал Бареньев.

— Вы говорили, что занимались этим? — Федор посмотрел в глаза Бареньеву.

— Да нет, что вы! Тут... тут ничего не доказано... То есть, я хочу сказать, что... Словом, я имел в виду совершенно другое... Вы не представляете себе, если об этом узнает Евгения Ивановна, Алена... если пойдут слухи... о таких подозрениях... Меня только это беспокоит... Тишков мертв и забыт. А вот живым и дорогим для вас людям вы можете причинить боль.

В комнату вернулась Светлана, и Бареньев замолчал.

Светлана посмотрела на них, как на заговорщиков, а потом сказала Голубкову:

— Тебе звонили сегодня из Дома ветеранов, дважды. Просили обязательно позвонить. Вот телефон. — И положила перед Федором бумажку.

Голубков возвращался с работы домой, тянул за руку Костика.

Костик рассказывал:

— Они прилетели обратно и искали Элизу... А Элизы там не было, ведь она убежала искать их... потом, как они улетели обратно, она...

Федор невнимательно слушал и кивал.

Первое, что он услышал, открыв двери квартиры, была информация Евгении Ивановны:

— Федор, вам звонили почему-то из Дома ветеранов и очень просили позвонить... Обязательно...

В холле Дома ветеранов к Голубкову подошла нянечка.

— Мы вас очень долго искали, товарищ Голубков. Надо быть внимательнее к старому человеку...

— Вы знаете, я не являюсь прямым родственником Михаила Ивановича Безрукова... И не прямым тоже, — грубо ответил Федор.

— Да, я понимаю, — мягко сказала няня. — Он болен... Он очень для вас старался... Вот... — Она протянула Голубкову листок бумаги с каким-то адресом.

Федор с недоумением повертел в руках бумажку.

— А кто такой Ташков?

— Не знаю. Михаил Иванович просил передать.

Еще раз посмотрев на запись адреса, Голубков вошел в подъезд старого ленинградского дома. Тусклая лампочка висела под непривычно высоким потолком, и номера квартир были плохо видны. На одной из дверей под звонком Федор увидел табличку. Последним в ней значился «Ташков В. Н. — 4 звонка».

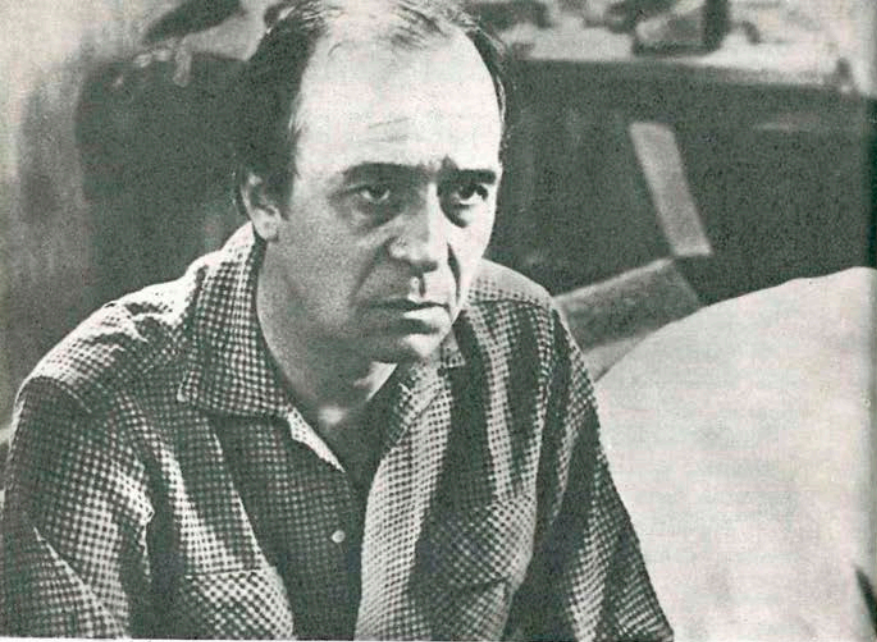
Голубков позвонил четыре раза.

Дверь открыл мужчина небольшого роста, с приятным, интеллигентным, может быть, излишне нервным лицом...

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Могу я видеть Ташкова Владимира Николаевича? — спросил Федор.

— Я Ташков.

— Я к вам по поручению от Михаила Ивановича Безрукова... Они стояли в дверях, не понимая друг друга.

— А это кто — Безруков? — спросил Ташков.

— Это старый большевик...

Ташков отступил назад, пропуская Федора.

— Входите...

Они прошли по длинному коридору мимо общей кухни и любопытствующих соседей, мимо общего телефона, по которому разговаривала какая-то дама в папильотках и ярком домашнем халате, вошли в небольшую комнату с очень высоким потолком и огромным, во всю стену, окном...

Хозяин, видимо, заканчивал уборку...

— Входите, садитесь, — сказал он, пододвинув стул.

— Спасибо. — Голубков сел.

— Так по какому поручению?

— Видите ли... — Голубков замялся. — А может быть, ваша фамилия Тишков? — вдруг выпалил он.

Ташков, сидевший напротив Федора, отодвинулся от стола, выпрямился и ровным, каким-то потускневшим голосом ответил:

— Моя фамилия Ташков... А вот фамилия моего отца дейст-

вительно была Тишков. Он ее сменил... при паспортизации. Тогда это разрешалось.

— Ага, — обрадовался Голубков. — Видите ли, Михаил Иванович направил меня к вам, очевидно, полагая, что... что вы имеете какое-то отношение...

— К провокатору Тишкову? — перебил его Ташков все тем же ровным голосом. — Самое прямое. Я его внук! — Он встал. — Какие еще будут вопросы?

— Ну, зачем же так...

— А как? Мы и фамилию поэтому сменили... Мы же ведь понимаем... Неприятно было бы и вам и мне сидеть сейчас, ну, скажем, с потомками Дантеса... Хотя они ни в чем не виноваты. Они ведь, кажется, благополучно проживают в своей Франции?!

— Кажется... — ответил Федор. — Но ваше дело другого рода...

— Никто не знает, какого оно рода!

— Я историк... и я как раз хочу...

— А если вы историк, — опять перебил Ташков, — то ищите лучше библиотеку Ивана Грозного! Тут писали недавно... А мы живые люди... Это-то понятно? У меня дочь, жена... Они ничего не знают.

— Да, но, может быть, что-то еще...

— Все равно! Вы понимаете? Уже все равно! И уходите, сейчас дочь придет.

Голубков вышел на лестничную площадку. Дверь за ним закрылась. Федор стал спускаться по лестнице. Навстречу ему, прыгая через две ступеньки, бежала худенькая девочка с большим портфелем. Голубков увидел, как она, пристав на цыпочки, четыре раза нажала на кнопку звонка рядом с табличкой «Ташков В. Н.».

В конференц-зале института шло заседание ученого совета. Молодой диссертант завершал свое заключительное слово. В зале было человек двадцать и среди них — Федор и Светлана, целиком поглощенная происходящим таинством защиты.

— Я искренне благодарю моих уважаемых официальных оппонентов, — читал диссертант, — Сидора Артемьевича и Дмитрия Константиновича, за те глубокие и ценные замечания, которые они высказали по поводу моей диссертации. Надеюсь, что в своей дальнейшей работе над темой я сумею реализовать их советы и пожелания... — Диссертант повернулся к столу президиума и

продолжал: — Я глубоко благодарен дирекции нашего института и всему нашему коллективу за ту постоянную и повседневную помощь, без которой я никогда бы не смог...

У Федора было отсутствующее выражение лица...

В коридоре вокруг смущенного и счастливого диссертанта толпились поздравляющие. Его целовали, жали руки, совали цветы...

Выбравшись из этой толпы, Светлана окликнула стоявшего неподалеку Голубкова:

— Федя, Федя! — Они отошли к окну. — Значит, так... Что я хотела тебе сказать... — Светлана была возбуждена. — Ты занимаешься вальдбургской группой, которая никакого отношения к твоей диссертации не имеет, но имеет прямое отношение к моей диссертации... Я не понимаю, зачем тебе это нужно. И в какое положение ты меня ставишь?

— Да не суетись ты, — остановил ее Федор. — Ты что? Что найду — все твое.

— Спасибо! — Светлана взяла руку Федора и с чувством потрясла ее. — Спасибо! Ты настоящий товарищ... Я ведь, Федя, — добавила она, — все помню: второй курс... общежитие...

- Ну, при чем здесь это-то?
- ...Новый год... — продолжала Светлана.
- Кончай! — оборвал ее Федор. — Григорий Григорьевич! — окликнул он оказавшегося поблизости Гри-Гри. — Когда я смог бы поехать в Москву?
- По диссертации?
- Да.
- Давно пора, — со значением добавил Гри-Гри.

Голубков ехал в троллейбусе по московским улицам. Потом он предъявил документы милиционеру при входе в архив.

Потом сидел в читальном зале архива, старательно делая выписки и закладки. И все это время лицо его сохраняло выражение отстраненности.

В конце дня в читальный зал вошла заведующая — Зоя Николаевна.

— Товарищи, заканчивайте, — громко сказала она, и исследователи стали собирать свои папки.

Федор сдал документы, попрощался и направился было к выходу, но передумал и вернулся.

— Зоя Николаевна, а может ли у вас быть что-нибудь по Вальдбургу?

Зоя Николаевна с удивлением посмотрела на него:

- Это же не ваш период...
- Это диссертация моей сокурсницы... Не в службу, а в дружбу...
- Хорошо, приходите завтра часам к двенадцати. *

Голубков снова ехал в троллейбусе.

Потом предъявлял милиционеру пропуск.

Потом шел по длинному коридору архива, остановился у одной из дверей, постучал и вошел.

— Доброе утро, Зоя Николаевна. Как мои дела?

— Я подобрала кое-что... Пойдемте...

Они снова долго шли по коридорам архива.

— К сожалению, — говорила Зоя Николаевна, — материалов по Вальдбургу нет. Ясно одно — провокатор в группе был. Но это ваша сокурсница знает и без меня.

— Ну, извините.

— Но я тут посмотрела некоторые дела, — продолжала Зоя Николаевна. — Прямого отношения к Вальдбургу они не имеют, но касаются людей, работавших в заграничной агентуре охраны именно в это время.

Они вошли в хранилище, сели у небольшого столика. Зоя Николаевна открыла какую-то коробку, вынула документы, полистала...

— Вот это дело стоит посмотреть. — Она положила перед Федором папку, на обложке которой было выведено: «Дело агента охранного отделения Дерябина М. И. 1926 год. Благо-вещенск».

Разномастно одетая толпа ждала, когда к зданию суда привезут подсудимого. Подкатила пролетка. Из нее выскочили два милиционера в долгополых шинелях. Они помогли сойти бородатому человеку в черном демисезонном пальто с бархатным воротником и провели его через молчаливо расступившуюся толпу.

В переполненном зале говорил прокурор:

— Материалы предварительного следствия, проведенного Госполитохраной, полностью доказывают виновность подсудимого Дерябина в том, что он в период с 1914 по 1917 год, прикнув к рабочему движению, сумел проникнуть в ряды организации РСДРП(б), где завоевал себе доверие, выполняя ряд ответственных партийных заданий, и в то же время состоял платным секретным сотрудником охранного отделения...

Федор перелистал несколько страниц...

Теперь говорил подсудимый:

— Я считаю этот процесс грубейшей политической ошибкой! Вы судите невиновного! Нетрудно найти людей, которые хорошо помнят меня по партийной работе. Они могут подтвердить, сколько я сделал для революции...

СУДЬЯ (прерывая). Вы давали подписку о секретном сотрудничестве охранному отделению?

ДЕРЯБИН. Но не сотрудничал!

СУДЬЯ. Давали или не давали подписку?

ДЕРЯБИН. Да... Но с моей стороны это был маневр, военная хитрость...

ПРОКУРОР. Прошу суд приобщить к делу копию документа из архива охранного отделения... (Передает документ судье.)

СУДЬЯ (просмотрев документ, секретарю суда). Огласите.

СЕКРЕТАРЬ СУДА. Оглашается выписка из картотеки охранного отделения: «Дерябин, Михаил Иннокентьевич, мещанин Курляндской губернии, Добленского уезда. Охранная кличка Игрок. Работает конторщиком на заводе Раквица. Освещает социал-демократическую партию и особенно ленинское течение. 75 рублей в месяц».

ДЕРЯБИН. Это неправда! Я данных не давал! Я никого не погубил! Я никакого вреда революции не сделал! Поверьте мне!

Зоя Николаевна подошла и села рядом с Федором. Он продолжал читать...

СУДЬЯ. Подсудимый Дерябин, вам предъявлено обвинение также и в том, что в 1918—1922 годах, находясь в городах Благовещенске, Владивостоке и Харбине, во время господства там белогвардейских правительств, работая репортером белых газет, вы одновременно сотрудничали с белой контрразведкой. Признаете ли вы это?

ДЕРЯБИН. Это злостная клевета! Я работал в газетах по заданию подполья... Что касается белой контрразведки, то хорошо бы выяснить, граждане судьи, кому эта клевета выгодна?

СУДЬЯ. Пригласите свидетеля Езерского.

СЕКРЕТАРЬ СУДА. Вызывается свидетель Езерский.

В зал суда в сопровождении двух милиционеров вводят свидетеля.

СУДЬЯ. Езерский Леонид Аристархович, до 1917 года вы являлись ротмистром корпуса жандармов, служили в охранном отделении, а с 1918 по 1922 год работали в белой контрразведке в Приморье?

СВИДЕТЕЛЬ. Так точно.

СУДЬЯ. В настоящее время отбываете установленный вам срок наказания?

СВИДЕТЕЛЬ. Так точно.

СУДЬЯ. Вам знаком подсудимый Дерябин?

СВИДЕТЕЛЬ. Да. Он был моим сотрудником.

Голубков закрыл дело и посмотрел на Зою Николаевну:

— Да, весело... Но я что-то не очень улавливаю...

— А показания Езерского?

— Что — показания Езерского?

— А вы посмотрите их внимательно...

Перед судом свидетель обвинения Езерский.

СУДЬЯ. Езерский Леонид Аристархович, до 1917 года вы являлись ротмистром корпуса жандармов, служили в охранном отделении, а с 1918 по 1922 год работали в белой контрразведке в Приморье?

СВИДЕТЕЛЬ. Так точно.

СУДЬЯ. В настоящее время отбываете установленный вам срок наказания?

СВИДЕТЕЛЬ. Так точно.

СУДЬЯ. Вам знаком подсудимый Дерябин?

СВИДЕТЕЛЬ. Да. Он был моим сотрудником.

СУДЬЯ. Расскажите об этом подробнее. Вы знали его раньше?

СВИДЕТЕЛЬ. Нет, не знал... Только с девятнадцатого года.

СУДЬЯ. Как же вы рискнули взять в контрразведку совершенно неизвестного человека?

СВИДЕТЕЛЬ. Мне его рекомендовали.

СУДЬЯ. Кто именно?

СВИДЕТЕЛЬ. Кажется, в феврале того же девятнадцатого года во Владивостоке был проездом подполковник Макарычев. Он и рекомендовал мне Дерябина, поскольку знал его раньше по агентурной работе.

СУДЬЯ. А кто такой подполковник Макарычев?

СВИДЕТЕЛЬ. Мой бывший шеф по департаменту полиции...

Голубков поднял глаза на Зою Николаевну:

— Макарычев?

— Вот именно... И вот тут загадка... Когда он мог сотрудничать с Дерябиным? Даже так тесно, что рекомендовал его Езерскому? Дерябин объявился в Приморье в четырнадцатом году. Но Макарычев в это время уже был интернирован немцами и сидел у них в лагере до 1917 года. После революции Макарычев с Дерябиным познакомиться тоже не мог, потому что Дерябин все время находился в Приморье, а Макарычев у Деникина. Попал он на Дальний Восток лишь в девятнадцатом году. И то проездом, перед тем как бежать за границу. Значит, период с четырнадцатого по девятнадцатый год отпадает. Остается предположить, что их пути могли пересекаться до четырнадцатого года. А именно тогда Макарычев руководил всеми агентами русской охранки в Германии...

— Но в Вальдбурге никакого Дерябина не было...

— А если он действовал под другой фамилией?

Федор помолчал.

— А фотографии есть?

— Можно запросить Благовещенск.

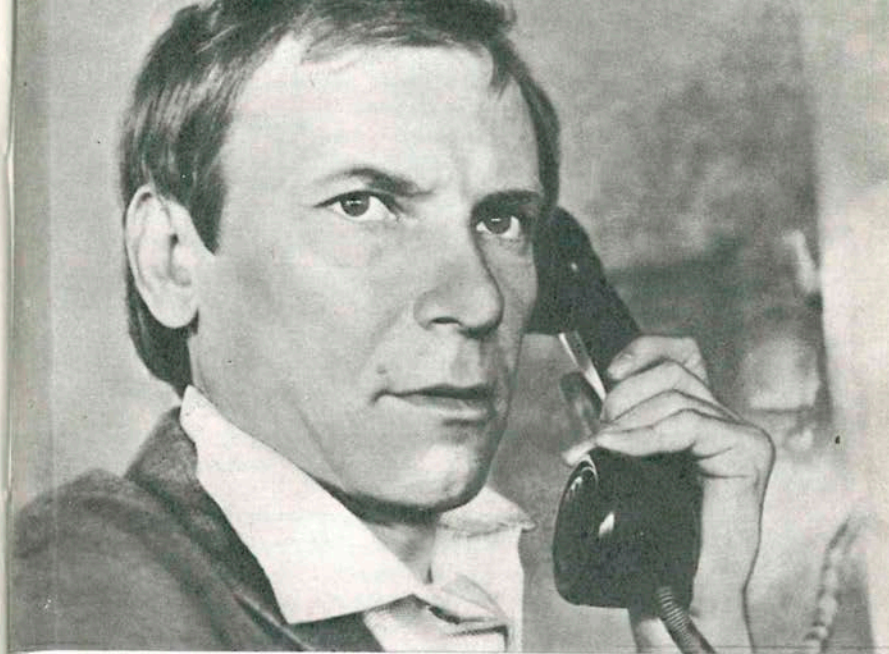
— Спасибо. — Федор встал.

— Похоже, — Зоя Николаевна улыбнулась, — что ваша курсница близка к научному открытию...

В пустом конференц-зале института сидели Голубков и Бартедьев...

— Всеволод Семенович, — сказал Федор, — плохи мои дела... Это между нами, конечно.

Бартеньев откликнулся не сразу.

— Значит, вы меня не послушали?

Федор пожал плечами.

Некоторое время они молчали.

— Рассказывайте, — потребовал Бартеньев.

— Был у охраны толковый агент Дерябин. Так вот, выясняется, что в вальдбургский период он подвизался в иностранной агентуре, в Германии.

— И что?

— В архивных списках агентуры такой фамилии нет. Значит, он работал под другой фамилией.

— Допустим.

— Ну, кроме Тишкова, как вы понимаете, в провокации можно заподозрить троих. Степную...

— Но она женщина.

— И, естественно, отпадает. Далее Ленц... С этим тоже не получается. Остается Косоргин. Более того. В тринадцатом году из Германии бесследно исчезает Косоргин, а в четырнадцатом в России объявляется Дерябин.

— Та-ак, — протянул Бартеньев.

— Посоветуйте, как быть?..

— Я уже советовал. — Бартеньев рассердился. — Вот итог ваших пионерских изысканий... Две строчки мелким шрифтом к чужой диссертации... если еще удастся протолкнуть. Есть же общепризнанная версия... Что же касается ваших личных дел...

— Как быть?

— «Как быть!» «Как быть!» Прежде всего не спешить, Федор Николаевич, не спешить с выводами...

Бартеньев помолчал, размышляя. Потом спросил:

— Вы говорили с кем-нибудь еще?

— Нет.

— Значит, ничего необратимого пока не произошло... Сейчас у вас, как говорил Арбенин в «Маскараде», «два средства только есть: дать клятву за игру вовеки не садиться или за нее тотчас же сесть». Если, не дай бог, решите «сесть», разузнайте все про немца... У меня до войны не было такой возможности... Это, пожалуй, серьезный шанс... Не считая Тишкова, конечно... Как он на свободе-то оказался? А?

Они еще помолчали.

— Вот уж поистине, — вздохнул Бартеньев, — умножающий знания умножает и скорбь.

В прихожей квартиры Голубкова длинно зазвонил телефон.

— Это меня, — сказал Федор. — Да, заказывал... Голуб-

ков... — Федор взял аппарат и ушел с ним на кухню. — Берлин? Вальтер, ты? — он говорил коротко, вполголоса. — Привет. У меня просьба... Постарайся узнать все что можно о Ленце. Ну, о том... Помнишь Тишкова?.. И о его счете в банке, о счете... Это у меня просьба к тебе... личная. Это очень важно. Для меня... Понимаешь? Очень важно...

— Международные переговоры в обстановке секретности? — В дверях стояла Алена.

— Привет. Жду. Звони, — сказал Федор и повесил трубку.

— Что ты скрываешь от меня? Что произошло в Москве? И вообще, что происходит?

— Ничего не происходит, диссертационные хлопоты...

— А при чем Тишков?

Федор молчал.

— Не умеешь врать — не берись, — грустно сказала Алена.

— Сядь, пожалуйста, — попросил Федор.

Алена села, Федор сел рядом.

— Помнишь, я тебе говорил, что в вальдбургском деле можно подозревать не только Тишкова?..

Алена повернулась и посмотрела Федору в глаза.

— Да, и ты назвал фамилию Косоргина?

Федор кивнул.

— Я чувствовала, что на нас надвигается нечто ужасное, —

наконец проговорила она. — Послушай, Федор... Ты можешь поступать, как тебе заблагорассудится. Хотя это и выглядит... Евгения Ивановна живет этим прошлым...

— Ей два года было... Два года.

— Ну и что же? Она всю жизнь рассказывает ученикам про своего брата... про эту злосчастную группу.

— Ты пойми...

Алена встала. У нее дрожали губы.

— Не перебивай меня. Я убеждена, что фамилия Косоргина чиста! И это твоё предположение...

— Ну конечно, только предположение...

— Ее может убить даже твоё предположение! Впрочем... ты не обязан меня выслушивать... Ведь я тоже заинтересованная сторона.

На своей потрёпанной малолитражке, прижимаясь поближе к тротуару, Вальтер ехал по Унтер-ден-Линден. На углу одной из боковых улиц его поджидал приятель.

— Привет. — Он сел в машину рядом с Вальтером. — Тебе повезло... Гросс наверняка там.

Они выбрались из города на автобан и долго ехали по нему. У стрелки с надписью «Заксенхаузен» машина свернула с шоссе.

На большой площади, бывшем апель-плаце концлагеря, у памятника жертвам фашизма собрались сотни людей. Среди них, небольшими группками, с флагами и транспарантами, на которых были выписаны названия стран и городов, сидели и стояли бывшие узники Заксенхаузена.

Военные оркестры играли что-то печальное. Потом музыка стихла. Начался митинг. Отмечалась 35-я годовщина освобождения узников лагеря советскими войсками.

Приятель Вальтера нашел наконец того, кого они искали.

— Вон он...

Вальтер увидел небольшого пожилого человека в берете с худым грустным лицом, который сидел недалеко от трибуны...

Речи закончились. Опять заиграли оркестры, склонились флаги. Начался торжественный церемониал... К памятнику, к Вечному огню понесли венки.

Вальтер и Гросс вошли в одно из помещений бывшего лагеря, где теперь расположен музей. На огромной, увеличенной во всю стену фотографии был изображен общий вид Заксенхаузена. На апель-плаце серыми, безликими шеренгами стояли заключенные, а перед ними, с боков и сзади — эсэсовцы с автоматами и собаками...

— Фридрих Ленц тебя, стало быть, интересует? — спросил Гросс.

— Да.

Гросс помолчал.

— Я видел, как он погиб, — наконец сказал он.

— Простите, одну минутку. — Вальтер извлек из сумки портативный магнитофон. — Продолжайте, пожалуйста.

— Нас собирали на апель-плаце во время переключек и для всякого рода экстренных случаев. Вот, как на этой фотографии... Так же нас собрали и 22 июня 1941 года... Вон там, — он показал на фотографию, — слева, стояло здание... Здесь его не видно... И вдруг на крыше этого здания появился человек. Он прошел по гребню крыши и стал подниматься по трубе... Мы стояли лицом к зданию, а начальство спиной... Человек уже добрался до середины трубы, и тут его заметила охрана. Эсэсовцы забегали, засуетились, а человек вытащил что-то красное... это был флаг... и стал размахивать им.

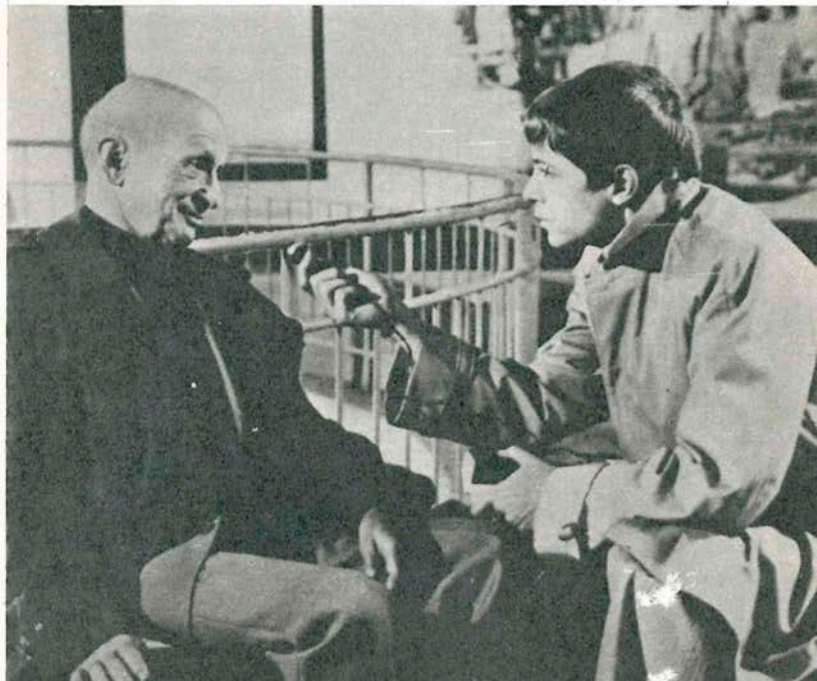
— Флаг?

— Да, настоящий красный флаг.

— А дальше?

— Ну, в него стали стрелять со всех сторон, и он упал вместе с флагом, — закончил Гросс.

— Благодарю. — Вальтер выключил магнитофон. — Он был членом вашей организации?

- Нет. Действовал в одиночку.
  - Но почему?
  - Не знаю... Ему почему-то не очень доверяли.
  - А почему?
  - Не знаю.
  - А за что он попал в лагерь?
  - Не знаю... И этого я не знаю.
  - Может быть, все-таки кто-то есть, кто знает.
- Гросс сокрушенно развел руками...

В длинном коридоре института Вальтер догнал профессора Тагера.

- Профессор...
  - Да.
  - Прошу прощения, мне нужно посоветоваться с вами.
- Всего несколько минут.
- Прошу ко мне.

В кабинете Тагера Вальтер торопливо принялся объяснять:

- Речь идет о некоем Ленце, в прошлом социал-демократе. Он драматически погиб в сорок первом году в лагере Заксенхаузен. Я нигде никак не могу найти никаких документов о нем. Ни в лагерном архиве, ни в архиве гестапо...

Тагер внимательно слушал. Потом сказал:

— Да, я знаю это дело. Этот Ленц не принадлежал к какой-либо подпольной организации. Его дело сунули в материалы «Красной гвоздики» — была такая организация в этом лагере, но позже, позже.

— А за что он, собственно, попал в лагерь?

— Он писал от руки антифашистские листовки и разбрасывал их.

— И опять один?

— Да. Он был вне партии. А вы знаете почему?

— Догадываюсь...

— Но и в лагере товарищи ему не вполне доверяли... И эта акция с флагом, мне кажется, была жестом отчаяния... — Тагер помолчал. — Трагическое время... Трагическая судьба...

— Как вы думаете, уважаемый профессор, а мог ли быть такой человек провокатором или пособником?

— А если он невольно стал пособником? — спросил Тагер. — Тут все упирается в истинность русской версии.

— Тишков?

— Да.

— Видите ли, дело в том, что я действую как раз по просьбе советского коллеги... Его интересует вальдбургское дело...

Тагер молча попыхивал сигарой. Вошла секретарь профессора, поставила на столик кофейник, две чашки и вышла.

— Пожалуйста, берите кофе, — сказал профессор и, внимательно посмотрев на Вальтера, добавил: — Дорогой Вальтер, я хочу вам посоветовать... не отвлекаться от избранной темы. А история, которая возбудила любопытство вашего советского коллеги, не входит в рамки изучаемой вами проблемы...

— Извините, но вы чего-то не договариваете, профессор.

— Ну, хорошо, — ответил Тагер, — я поясню... Избегайте скольких тем — это мой первый совет на будущее... И еще один совет... Есть понятие — тактичность... Ленцу было оказано недоверие, потому что он был связан с русским революционером, которого обвинили в политической нечестности... Так это или не так — могут решить только ваши советские коллеги... Но вот ваше приватное вмешательство может быть воспринято как бестактность... И у них... И у нас...

Федор быстро шел по институтскому коридору. У кабинета Григория Григорьевича он столкнулся с младшим научным сотрудником Семизоровым. Увидев Федора, тот задержался, и, призывно кивнув, вошел в туалет. Федор вошел следом. Оглянувшись по сторонам, Семизоров выразил на лице сочувствие

и энергично потряс Голубкову руку. Еще раз оглянувшись, Семизоров удалился.

Секретарша Гри-Гри Людочка тоже встретила Федора сочувственным взглядом.

— Проходите, Федор Николаевич, — печально сказала она.

— Григорий Григорьевич! — прямо с порога начал Голубков. — Доброе утро. Вы меня вызывали?

— Доброе... — ответил Гри-Гри, не поднимая глаз от бумаг, лежавших у него на столе. — Садитесь.

Федор сел. Выдержав должную паузу, Григорий Григорьевич аккуратно отложил бумаги в сторону.

— Вы у нас, Федор Николаевич, как Илья Муромец. — Гри-Гри откинулся в кресле. — Одним махом семерых побиваю!

Федор недоуменно смотрел на него.

— Вы задерживаете диссертацию и тем самым срываете утвержденный план одновременной защиты...

Голубков молчал.

— Вы влезаете не в свою тему...

— Григорий Григорьевич, я ж не для себя, я все, что... — попытался вставить Федор, но Гри-Гри не дал ему закончить. Видимо, и об этом «ходе» он был информирован.

— Светлана Андреевна Колесник вас об этом не просила... и даже наоборот... Своим стремлением дискредитировать тишковскую тему вы ставите под сомнение всю ее работу. — Григорий Григорьевич встал. — Вы беспокоите вашими предположениями

уважаемых людей — ветеранов революции. Да... Их у нас очень мало осталось... И, наконец, вальдбургское дело связано с немецкой социал-демократией, с непростыми вопросами немецкой истории. — Гри-Гри подошел к окну. — Наши коллеги сами в них разберутся... Своим вмешательством вы просто поступаете бес тактно. — Он вернулся к столу, посмотрел на Голубкова. — Да... проглядели мы вас, Федор Николаевич, явно проглядели... И во время учебы и во время работы над диссертацией мы не смогли вам внушить простой истины — поспешные переоценки, кавалерийские наскоки на историю наносят нравственный урон обществу.

— Я не могу не заниматься этим, — ответил Федор. — Вы понимаете?

Но Григорий Григорьевич понял по-своему...

— Да, да... Я слышал... И про ваши домашние дела я слышал. Поразительно, знаете ли... Как же вы...

— Я буду заниматься этим... — резко прервал его Федор.

— Да? Ну-ну! — И Гри-Гри наконец выложил главное: — Будете вы этим заниматься или нет — скоро выяснится... Вас вызывают в Москву... Идите! — Он указал Федору на дверь. — Билет заказан, командировка — в канцелярии.

В большом, просторном кабинете седой человек с депутатским значком на лацкане пиджака разговаривал с Голубковым. Они сидели друг против друга за длинным столом, стоявшим вдоль окон. Хозяин кабинета внимательно, изучающе смотрел на Голубкова.

— Это, кажется, не входит в тему вашей диссертации?

— Не входит.

— Почему же вы этим занимаетесь?

— Хочу узнать истину.

— Но ведь, кажется, есть сложившаяся версия, давно принятая всеми...

— Она сомнительна.

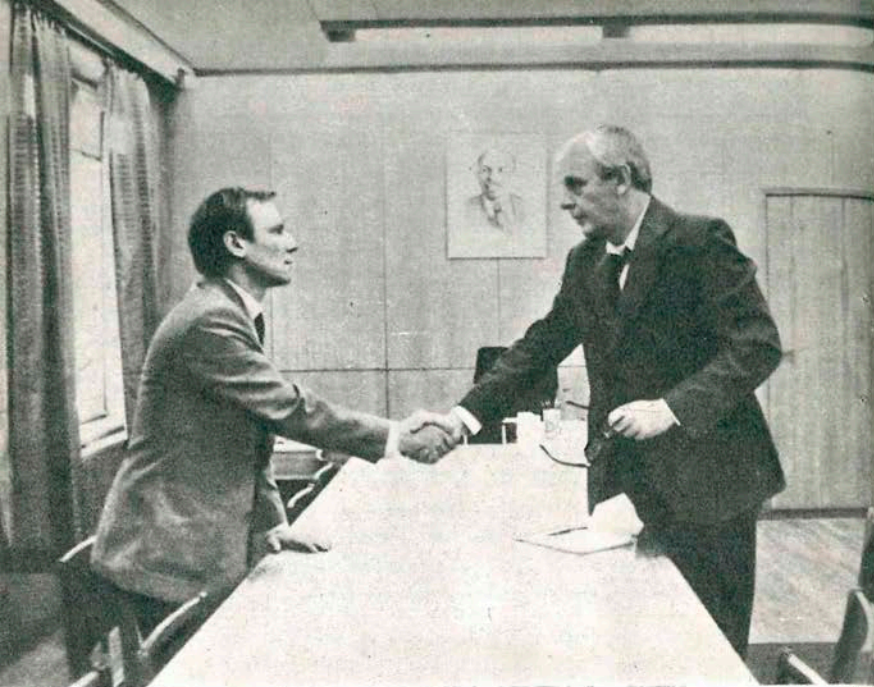
— Понятно... Тогда не скрою от вас, что мы получили письма, в которых по-разному оценивается ваша деятельность. В некоторых даже утверждается, что ваше расследование... ну... чуть ли не подрывает устои...

— А вот Ленин говорил, что правда не должна зависеть от того, кому она будет служить... — с вызовом сказал Федор.

Его собеседник улыбнулся.

— Да, Ленин это сказал... Федор Николаевич, вы так разговариваете, как будто вы здесь от кого-то защищаетесь... Мы вас пригласили из Ленинграда для того, чтобы, во-первых, познакомиться с вами, а во-вторых, просить вас держать нас в курсе де-

ла, как бы оно ни обернулось, постольку... поскольку оно имеет отношение к истории партии... Ну а чем вам можно помочь?

Федор растерялся.

— Мне надо съездить в Берлин... в архив...

— Что еще?

— Все.

— Ну что ж, тогда всего хорошего. Удачи вам в Берлине.

Федор пошел к дверям, но остановился в нерешительности.

— Вам что-нибудь не ясно?

Федор пожал плечами:

— Нет, все в порядке... Спасибо.

Хозяин кабинета подошел к нему.

— Федор Николаевич! В таких делах, как это, — негромко, но с абсолютной убежденностью сказал он, — справедливость нужна прежде всего нам самим, живущим сегодня... К сожалению, я не могу пригласить сюда всех, кто этого не понимает...

В аэропорте Шёнефельд Голубкова встретил Вальтер.

— Как дела? — спросил Федор, как только они сели в вальтеровскую малолитражку.

Вальтер пожал плечами:

— Нашел могилу Тишкова в Вальдбурге... И все. Он завел машину и стал осторожно выбираться с автомобильной стоянки.

Когда они наконец выехали на шоссе, Голубков опять спросил:

— А банк?

— С банком не лучше... Он в Западном Берлине.

— Скверно.

— Да... Но кое-что все-таки есть...

— Что именно?

— Посмотри эту папку. — Вальтер показал на заднее сиденье.

Федор взял папку, стал ее листать.

— Ленц?

— Да. Копия его дела... Нашел в Заксенхаузене... Его смерть тоже похожа на самоубийство.

Голубков внимательно читал страницу за страницей, а Вальтер продолжал:

— Ему не доверяли... Он боролся в одиночку... Ленц — жертва подозрений, упавших на Тишкова... А как с самим Тишковым?

— Сейчас важен банк, — ответил Федор, оторвавшись от папки. — Надо проверить, есть ли там следы переводов охраны.

— С западным банком не так просто... и не так быстро...

Федор задумался. Они уже ехали по улицам Берлина.

— Мы можем сейчас позвонить в Москву?

— Сначала отель, завтрак... — удивился Вальтер.

— Нет. Сначала Москва.

Вальтер стал разворачивать машину.

Из здания Советского посольства вышли Голубков и мужчина в темном костюме. Они пожали друг другу руки...

— Ну что ж, — сказал сотрудник посольства, — с банком все договорено. Ваш коллега будет ждать вас на месте... Как говорится, ни пуха ни пера!

— К черту, — улыбнувшись, ответил Федор.

Он сел в черную «Волгу», стоявшую у подъезда, и машина покатила по берлинским улицам.

У пограничного поста «Волга» остановилась. Голубков с любопытством наблюдал за процедурой проверки документов.

— Вот такая здесь ситуация, — пояснил шофер.

Шлагбаум поднялся, и машина въехала на территорию Западного Берлина. И опять Федор с любопытством разглядывал этот странный город, людей на тротуарах, яркие рекламы магазинов и кинотеатров...

— Тут у них плохо со стоянками, — сказал шофер. — Это здесь рядом... Пройдете через переход... два квартала... и налево.

Голубков перешел улицу, прошел два квартала и вошел в здание «Берлинер банка».

Федор и Вальтер сидели в просторном кабинете. Служащий банка подал им тоненькую папку, в которой лежало всего несколько пожелтевших от времени листков.

— Вот документы, — сказал он, — которыми вы интересуетесь... Это чистая случайность, что они сохранились у нас. Надеюсь, вы понимаете, что сегодня эти документы уже не являются денежными документами...

Голубков быстро перечитал пожелтевшие листки и, ничего не говоря, передал их Вальтеру. Тот тоже прочел и положил папку на стол...

— Ну что ж, — первым заговорил Федор, — действительно, счет господина Тишкова... Все сходится... Открыт в мае двенадцатого года. Регулярные поступления до августа, то есть до дня смерти... Логично... Зачем платить мертвому агенту?!

Они помолчали.

— Он ни разу не изъял ни пфеннига, — сказал Вальтер, еще раз перелистав листочки.

— Ну, и что это значит?

Вальтер пожал плечами.

— Ничего это не значит, — продолжал Федор. — Может, он просто не рисковал? Или копил на собственный дом в Калуге?

— Если он копил на домик в Калуге, — возразил Вальтер, — то почему счет открыт только в мае? Ведь провалы начались задолго до этого... очень задолго.

— Что же все это, по-твоему, значит?

— Не знаю... Возможно, это значит, что Тишков не виноват...

Они опять помолчали.

— Ну, хорошо, — сказал наконец Федор, — предположим, все так, как ты говоришь... Но все равно остается неясным — зачем был открыт этот счет и почему во время последнего провала Тишков все-таки остался на свободе?

— Давай поговорим с моим шефом, — ответил Вальтер. — Попробуем...

В воскресный день у себя на даче профессор Тагер принимал гостей. Среди них были Голубков и Вальтер. Гости сидели в шезлонгах на берегу Шпрее, гуляли по саду, супруга профессора

готовила кофе, а сам профессор, без пиджака, надев передник, поджаривал на углях куски мяса и одновременно отвечал на вопросы Вальтера.

— Да-да, вы правы, — говорил Тагер, — более всего важны сведения о роли Тишкова в последнем провале, который в конце концов завершился его самоубийством...

— Но где могут быть такие сведения? В Советском Союзе их нет.

— В немецких архивах тоже... Хотя известно, что эта акция проводилась немецкой и русской охранкой совместно... Но, — профессор перевернул мясо, — к сожалению, свидетельств такого рода содружества в архивах, как правило, не оставляют... Нет-нет, подобного документа у нас в архиве вы, разумеется, не найдете...

Профессор еще раз перевернул мясо, внимательно осмотрел каждый кусок и, видимо, оставшись довольным, глянул на приунывшего Вальтера и сидевшего неподалеку от них Голубкова.

— Но, как говорится, — продолжил Тагер, — однажды произнесенные слова не исчезают... Итак, мы знаем, что немецкая и русская охранка сотрудничали... И уж, конечно, немецкая сторона хорошо знала своих русских коллег... Поэтому, когда началась первая мировая война четырнадцатого года, этих рус-

ских коллег арестовали и интернировали первыми... Но ведь у русских резидентов могли быть свои документы, своя переписка, может быть, свой архив... А если они не успели ликвидировать его при аресте? Может быть, стоит поискать в этом направлении?... Впрочем, — профессор опять занялся мясом, — мои коллеги, возможно, смогут подсказать вам что-либо иное...

Вальтер и Федор вышли из двухэтажного здания архива на площадь небольшого немецкого городка, где стояла их машина.

— Здесь — ноль, — резюмировал Вальтер, садясь за руль.

— Сегодня еще куда-нибудь успеем? Сейчас который час? — спросил Федор.

— Два часа... Сегодня мы можем успеть только еще в одно место... Ближе всего Ораниенбаум.

— Ораниенбаум?

— Да... Ваш Ораниенбаум называется так, как наш. Это — родные места Екатерины Второй.

Машина подъехала к зданию архива, очень похожему на то здание, где Голубков и Вальтер только что были.

Сотрудница архива подвела их к одному из стеллажей.

— Возможно, — сказала она, — это именно то, что вас интересует... Документы поступили сюда действительно в четырнадцатом году. Они, к сожалению, очень пострадали... Первый раз их пытался сжечь резидент русской разведки при аресте, а потом — в сорок пятом году во время бомбежки... Документы, к сожалению, до сих пор не разобраны, нумерация отсутствует, сгруппированы они совершенно произвольно... Но я надеюсь, что это именно то, что вас интересует... Пожалуйста...

Они сложили несколько увесистых папок на специальную тележку и вкатили ее в комнату, предназначенную для исследователей.

— Вот здесь, пожалуйста... Желаю удачи, — сказала сотрудница архива, вышла из комнаты и, по установленному порядку, закрыла дверь на ключ...

Федор и Вальтер работали молча... За окном уже совсем стемнело, когда Голубков поднял голову от бумаг.

— Вальтер, ты сколько папок посмотрел?

— Две. Но это совсем не то...

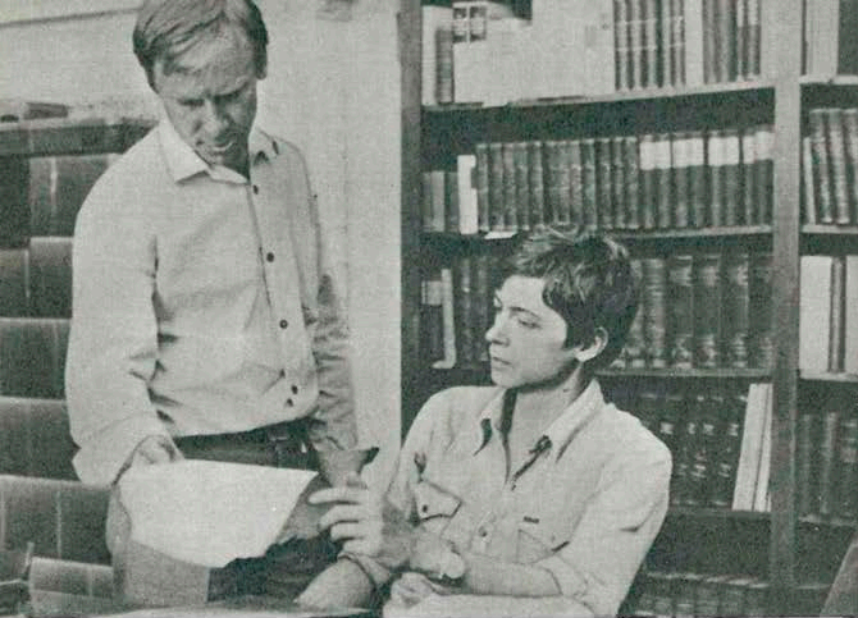
— Ну и хватит... Бросай это дело. — Голубков встал, подошел к Вальтеру: — Бросай, бросай... Сейчас я прочту тебе одно письмо... Пишет шеф департамента полиции генерал корпуса жандармов Белецкий Степан Петрович... Пишет своему подчиненному, а вернее, приятелю — резиденту русской охраны в Германской империи подполковнику Макарычеву...

Федор стал читать:

— «Милостивый государь! Дорогой Леонид Федорович! Письмо тебе передаст штабс-капитан Дмитриевский, с которым ты можешь обсудить детали...» Так, слушай... «Сейчас назрела необходимость в завершении операции по прикрытию Дятла в Вальдбурге...» Так... «Необходимо окончательно и демонстрационно перекрыть линию Гёц — Дегтяри. Дмитриевский договорится с германцами о совместном крупном задержании и о том, чтобы не чинили препятствий для возвращения Цыпленка в Вальдбург...» Так... Слушай... «Мы со своей стороны обеспечим проникновение в социал-демократические круги сведений о... о денежных переводах в русско-немецкий банк на цыплячий счет...» Дальше — о Леокадии Андреевне... «С удовольствием вспоминаю прошлое рождество...» И так далее...

...И опять 1912 год. Русская граница... Конные жандармы ведут трех в кровь избитых мужчин. Замыкает шествие лошадь, которую жандарм ведет под уздцы. На ней поперек седла лежит

бесформенный куль с проступившими темными пятнами... Они проходят мимо Тишкова, словно не замечая его...

...И опять маленькая комната в пансионе фрау Малих... Тишков, растерянный и подавленный, пытается что-то объяснить товарищам...

...И опять молодой Безруков бросается к Тишкову, лежащему на полу, приподнимает его голову...

— Да, — сказал Голубков, — ты прав. Тишков не виноват... Он не знал об этом счете... и на свободе его оставили только для того, чтобы дискредитировать в глазах товарищей и прикрыть настоящего агента... этого Дятла...

Потом они сидели за столиком в каком-то берлинском пубке. Было шумно. За соседними столиками громко смеялись. Озабоченные официантки разносили высокие кружки, в которых пенилось пиво...

— И кто, по-твоему, этот Дятел, из-за которого пострадал Тишков? — спросил Федор.

— Это, я думаю, не просто узнать, — ответил Вальтер.

— Да?.. А я, кажется, знаю...

— Кто?

Голубков не ответил, допил пиво...

— Будьте любезны, — попросил он официантку. — Папиросы «Беломорканал»...

Официантка кивнула, принесла пачку.

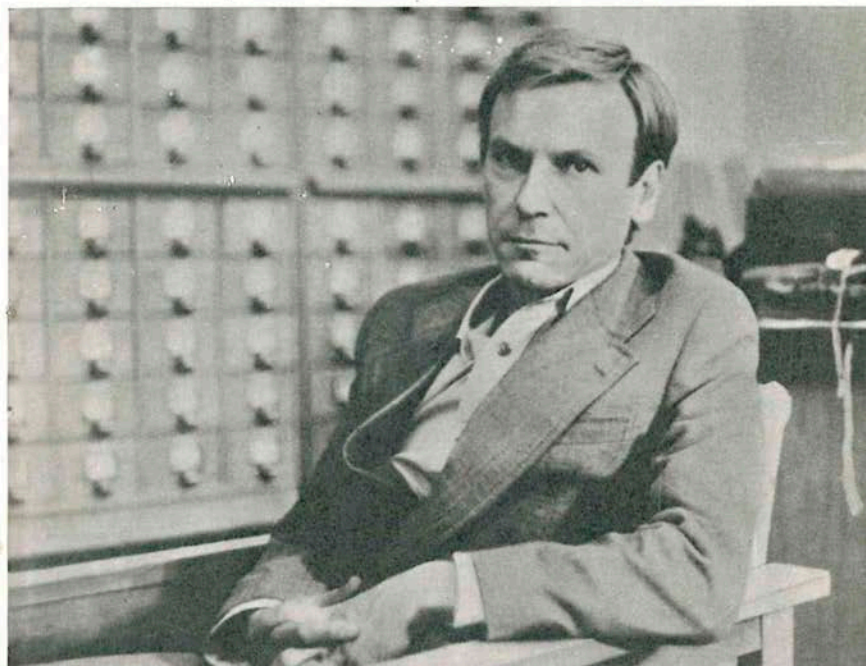
— Слушай, Вальтер, — сказал наконец Федор, — мы могли бы здесь с тобой провести небольшой эксперимент?

— Здесь?

— Нет... Я серьезно... Будешь удивляться...

В большой светлой комнате молодая женщина в белом халате читала Федору и Вальтеру заключение экспертизы. Перед ними лежал планшет, на котором были наклеены две одноформатные фотографии, размеченные какими-то специальными значками, линиями, пунктирами. Первая фотография — Косоргина — из того группового снимка 1912 года, копия портрета, висевшего в комнате у Евгении Ивановны. Вторая — провокатора Дерябина.

— Нам была передана для экспертизы фотография, датированная 1912 годом, с изображением некоего Косоргина, а также фотография, датированная 1926 годом, с изображением человека по фамилии Дерябин... Результаты экспертизы не поз-

воляют утверждать, что Косоргин и Дерябин — одно и то же лицо, несмотря на то, что ряд признаков, разумеется лишь приблизительно, можно было бы характеризовать как совпадающие...

Федор сидел, уставившись на фотографии, с совершенно непроницаемым, каменным лицом и, казалось, ничего не слышал...

— К сожалению, — продолжала эксперт, — качество фотографии Дерябина не дает возможности сопоставить некоторые особо важные признаки, такие, например, как расстояние между зрачками глаз и так далее... Любой поспешный вывод, — заключила эксперт, — может привести в данном случае к ошибке.

Федор и Вальтер стояли в коридоре и молча курили...

— Но под каким-то именем, — не выдержал Федор, — там все-таки действовал Дерябин... Под каким?

— Я же говорил — это не просто, — ответил Вальтер. — В Вальдбург приезжали связные, помогали контрабандисты. О них мы тоже мало знаем.

— Я должен был проверить и этот вариант... Спасибо тебе, — добавил Федор и впервые после ораниенбаумского архива улыбнулся.

От трапа самолета автобус довез Голубкова и других пассажиров до здания ленинградского аэропорта. Здесь былолюдно и шумно. По радио объявляли вылет очередных рейсов...

Из таможенного зала Федор направился прямо к телефону-автомату, набрал номер.

— Дом ветеранов?

— Да, — ответил женский голос.

— Как мне поговорить с Безруковым Михаилом Ивановичем?

После паузы голос спросил:

— А кто это говорит?

— Хороший знакомый.

— Михаил Иванович Безруков скончался... двадцать седьмого сентября...

— Извините, — почему-то сказал Федор, повесил трубку и медленно отошел от телефона.

Он посидел в зале аэропорта, потом встал и направился к стоянке такси...

Машина шла через весь город... По Невскому мимо Казанского собора... Через арку Главного штаба и Дворцовую площадь... По набережной мимо Петропавловской крепости и крейсера «Аврора»... За окном проплывали до боли знакомые места... Не потому, что Федор долго жил здесь, — он не был кореным ленинградцем. Но это были места, которые запечатлелись в душе каждого советского человека, наверное еще на генетическом уровне... За окном проплывала История России — стены и площади, помнившие ее давно умолкнувших поэтов, подвижников и бунтарей...

Федор остановил такси у старого ленинградского «доходного» дома, прошел под аркой во двор, вошел в подъезд и поднялся по лестнице с чугунными перилами на высокий первый этаж.

На лестничной площадке все так же тускло под потолком светила слабая лампочка. Федор подошел к двери, на которой висела знакомая табличка, и позвонил четыре раза.

Дверь открыла девочка — он уже видел ее в прошлый раз. За ее спиной появился Ташков. Увидев Федора, он положил девочке руку на плечо, словно защищая ее от опасности.

— Здравствуйте, — сказала девочка.

— Здравствуйте, — ответил Федор.

— Вам кого?

Ташков молчал.

— Вы узнаете меня? — спросил Федор. — Я Голубков... Историк.

Фильмографическая справка

«Две строчки мелким шрифтом» — цветной, художественный фильм. Производство киностудии «Ленфильм» — ДЕФА, 1981.

Авторы сценария М. Шатров, В. Логинов, В. Мельников. Режиссер-постановщик В. Мельников. Главный оператор К. Рыжов. Художники-постановщики В. Светозаров, Й. Кедлер. Композитор Н. Симонян. Звукооператор В. Шарун.

Роли исполняют: С. Шакуров — Голубков, П. Кадочников — Бартеньев, Я. Шпицер — Вальтер, А. Ромашин — Григорий Григорьевич, Н. Русланова — Светлана, С. Курилов — Безруков, Ю. Богатырев — Тишков, О. Борисов — Ташков, Е. Гуров — Генералов, Л. Константинова — Алена.

Шатров Михаил Филиппович

Логинов Владлен Терентьевич

Мельников Виталий Вячеславович

Две строчки мелким шрифтом

Редактор Л. А. Ильина. Оформление художника Г. К. Александрова. Художественный редактор И. Г. Румянцева. Технический редактор А. Н. Ханина. Корректоры Е. А. Мещерская и З. П. Соколова.

И.Б. № 1654

Сдано в набор 26.1.82. Подписано в печать 29.06.82. А10266. Формат издания 84×100¹/₃₂. Бумага для глубокой печати. Гарнитура журнально-рубленая. Глубокая печать. Усл. печ. л. 3,887. Уч.-изд. л. 5,523. Изд.: № 15473. Тираж 30 000. Заказ 900. Цена 45 коп. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

Мельников Виталий Вячеславович родился в 1928 году. В 1952 году окончил ВГИК. Работал в документальном и научно-популярном кинематографе.

С 1964 года режиссер «Ленфильма». Режиссер художественных фильмов «Начальник Чукотки», «Мама вышла замуж», «Семь невест ефрейтора Збруева», «Здравствуй и прощай», «Ксения, любимая жена Федора», «Старший сын», «Женитьба».

